

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Эми Мун

18+

Торни́ная госпо́дина
ДЕМОНА

Эми Мун

Горничная господина Демона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67603754

SelfPub; 2022

Аннотация

Он спас ее. Щелчком пальцев избавил от ненавистного замужества, а потом решил забрать себе, как забавную игрушку. Спаситель превратился в тюремщика, отказать которому невозможно. Но человеческое сердце не закрыть в клетке приказов. Может, от взгляда герцога де Сармунда слабеют ноги, но Энджел постарается сделать все, лишь бы остаться собой.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	18
Глава 3	28
Глава 4	36
Глава 5	52
Глава 6	61
Глава 7	68
Глава 8	76
Глава 9	85
Глава 10	96
Глава 11	104
Глава 12	111
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Эми Мун

Горничная господина Демона

Пролог

– Запомни, Энджел – за порогом этой комнаты тебя ждет океан фальши, кишасий злобными фуриями, чьим зубам позавидуют самые страшные чудовища глубин. Каждая улыбка – ложь, ласковый взгляд прячет злой интерес, жаждущий грязи, а под шелком и бархатом – острые когти, и если ты попадешься...

Холодок пробежался по обнаженным плечам и рухнул ледяным камешком на дно желудка. Энджел нервно сглотнула.

–...если попадешься, все эти милые леди и джентльмены разорвут тебя на части, а останки втопчут в грязь общественного порицания! О, и ради Создателя, подбородок выше на дюйм.

Голова дернулась вверх.

Свет множества свечей резал глаза до слез, или это она устала смотреть в зеркало, пока служанка наряжала ее, как куклу?

Кукла и есть. Светлая, воздушная, нежная и... неживая.

Слегка прикусив губу, Энджел тут же испуганно поправи- лась – нельзя так делать. Глупая привычка, от которой сто- ило бы давно избавиться – теперь ей не позволены даже ма- ленькие слабости.

Молчаливая горничная поправила шлейф цвета слоновой кости. За все время пребывания в гостевых покоях девушка и слова не произнесла. Однажды Энджел слышала, что госу- дарь наказывает провинившихся амулетом безмолвия...

– Все готово. Будут ли указания, госпожа?

... но только не эту.

– Нет, – ответили за спиной. Энджел краем глаза увидела лёгкий взмах унизанной браслетами кисти. У нее тоже были похожие когда-то. Широкое серебряное кружево, искрящее- ся голубыми бриллиантами. Он дарил...

– Энджел, не смей кусать губы! До крови! Ну что за дев- чонка?!

– Простите, – прошептала, стараясь незаметно слизнуть солонуватую капельку.

Нельзя думать. Воскрешать в воспоминаниях то, что, как дурная привычка, должно остаться в прошлом. Отплакала ведь свое. Сколько ночей кропила слезами белоснежные на- волочки, поскуливая от раздиравшей на части боли. Затыка- ла уши, пытаясь избавиться от эха злых слов, изодравших душу в кровавые лоскуты. «Нищенка... Годная только раз- двигать ноги...»

От резкого поворота звякнули заколки.

– Я готова, миссис.

Женщина перед ней склонила точечную голову, осматривая с ног до головы. Цепкий взгляд пробежался по незащитной шее, и умеренно открытому декольте. Кокетливая ложбинка была подчёркнута складками кремового шелка. Лёгкий корсет не стеснял талию, а второй подъюбник и вовсе отсутствовал: новая блажь столицы – безразмерно пышные юбки уступили место элегантной естественности. Раньше такое носили разве что простолюдинки, которым ворох материи – лишняя обуза, но мода – дама весьма непредсказуемая.

– Годится, – кивнула ее строгая наставница.

Ещё одна привычка – поправить нарочно небрежные локонны – зудела на кончиках пальцев, но Энджел заставила себя не двигаться, пока женщина осматривала и свой наряд.

Винный бархат прекрасно освежал и без того молоджавое лицо, пряча десяток лет. Посторонний мог бы принять их за мать и дочь...

– Пора, Энджел.

Девушка подошла и встала ровно в пол локте от сопровождающей. Пальцы едва заметно стиснули ручку веера. Хорошо, что юбка надежно скрывает дрожащие колени.

Первый шаг в сторону выхода дался едва ли проще, чем шаг к плахе, но не идти нельзя.

– Один вечер, Энджел, – голос наставницы зазвучал мягче. – Подобными мероприятиями нельзя пренебрегать.

О да, королевское приглашение не бросишь в камин.

Несколько завитушек на тонком листе бумаги, и вот подол платья скользит по мраморным коридорам дворца.

Великолепная роскошь. Сводчатые потолки украшены хрустальными люстрами, где каждая свеча – сверкающий сосуд магического света, стены обиты гобеленами тончайшей вышивки – лучшие мастерицы королевства трудились над огромными полотнами, создавая прелестнейшие картины. Юных нимф, играющих среди цветов и деревьев, белоснежные паруса и брызги моря – тронь, и на пальцах останутся прозрачные капли... Красиво! Но ни одно полотно не привлекало взгляд.

Перед ними из бокового коридора вынырнула стайка дам. Четыре острых, как игла, взглядов – вот и все приветствие. Женщины поспешили вперед, торопясь быть представленными королю первыми.

Пусть. Она бы и вовсе развернулась и скрылась в ажурных недрах дворца, но тогда бы ее отволокла обратно стража.

– ... леди де Вилнод, и ее дочь леди Амелия де Вилнод!

Голос глашатая ударил по натянутым нервам тяжеловесной кувалдой. Не забыть про подбородок. Смотреть на государя не дольше трех ударов сердца, не говорить первой... О, Создатель, что ещё? И зачем она здесь? Ряженая в нежно-кремовый шелк, украшенная драгоценностями... Нищенка...

Блеск и шум бала обрушились на нее сверкающим водопадом. Завертелся множеством искр, на мгновения дезори-

ентируя, но тут же исчез.

Все исчезло. И шумное море людей, и сидящий на троне государь, и... воздух.

Энджел хватанула ртом пустоту, чувствуя, как немеют ноги. О ребра бухнул раскалённый ком шипов, запуская по жилам волну испепеляющего жара. Создатель, нет! Только не это! Нет...

Что-то кричал глашатай. Сотня взглядов полетела в нее отравленными стрелами, а она словно зависла в воздухе, лишь по наитию переставляя ноги, потому что иначе рухнула без чувств.

Пронзительный взгляд черных глаз копьём ударил в грудь, вскрывая зализанные наспех раны. Было далеко, но Энджел увидела... почувствовала как напрягаются широкие плечи, а пальцы стискивают серебряный набалдашник трости.

Шаг, ещё шаг... Темная фигура становилась ближе. Безупречный, как всегда, камзол подчеркивал мощную статью, высокие сапоги натерты до блеска. Она тоже их чистила...

Удерживая подбородок в нужном положении, Энджел шла, теряя последние крохи надежды, что происходящее – мираж.

И что настоящий мужчина у себя в поместье, в королевской библиотеке или элитном борделе... Да со своей молодой женой в конце концов! Но не тут. Ведь расписание приемов строгое! Первый день – лишь незамужние леди и кавалеры...

Черный, как сама ночь взгляд крючком тянул к себе. Приказывал идти, и Энджел шла, потому что помнила, как это сладко – исполнять его желания. Любые, даже самые греховные, когда внутри все дрожит от стыда и томного предвкушения.

Мужчина ждал. Стоял со скучающим видом, но она давно научилась различать малейшие оттенки эмоций на бесстрастной маске. Тонкие губы сжаты чуть плотнее, чем обычно, широкая челюсть напряжена... Щетина? Но он так тщательно брился... Лицо как будто осунулось, постарело, но глаза – они пылали черными звездами.

Выжигали самую душу, клейменную и плененную без остатка однажды. Не позволяли отвести взгляд, безжалостно разрушая выстраданное ею спокойствие. Уши будто заложено ватой, и в огромном зале наступила гробовая тишина. Пальцы мелко дрожали, а корсет стал невыносимо тесен.

Новый вздох труднее предыдущего, новый удар сердца – больнее... И как только она замерла в трех шагах от трона, тонкие губы разомкнулись, одним словом швыряя ее в бездну ужаса.

– Ангел.

Ноги подкосились, и Энджел все-таки прикусила губу до режущей боли. Демон полыхал яростью.

Глава 1

(4 месяца назад)

Запнувшись о камень, Энджел рухнула в придорожную грязь. Коленки стукнулись о булыжники мостовой, и боль взорвалась перед глазами снопом разноцветных искр. Прикусив губы, чтоб не стонать, она вскочила и бросилась в первый же переулок.

– Э-э-э, красавица...

Взвизгнув, девушка увернулась от темного силуэта и ша-рахнулась в сторону. В груди горело. Сырой воздух превратился в огонь, а едкий смог жег легкие.

За спиной слышались крики. Хриплый голос брата толкнул под колени, и Энджел чуть не разбила нос.

В уцелевшем башмаке хлюпала вода, платок сбился, а волосы болтались сосульками и лезли в глаза.

Энджел петляла по кривым лонторским переулкам, чувствую, как с каждой минутой погоня становится все ближе. К крикам добавился свист полицейского.

– Мамочка, мама... – шептала дрожащими губами, отчаянно колотясь в запертые двери. Везде закрыто! И днем в трущобах опасно, а ночью...

– Пожалуйста, откройте... – скулила, кусая дрожащие губы.

– Вот она, держи!

Кубарем скатившись с крыльца, Энджел нырнула подворотню.

– Ой!

Плюхнулась в грязь, налетев на что-то твердое. Совсем близко слышалась ругань. Заполошно метавшийся взгляд наткнулся на носки идеально чистых сапог. Мужчина! Попытавшись вскочить, она запуталась в юбке и опять упала.

– Она там! – рявкнули совсем близко.

Сапоги двинулись в сторону. Уходит! Не соображая от страха, Энджел бросилась вперед, цепляясь грязными пальцами за голенище.

– Господин!

– Пошла вон.

Глубокий и холодный голос ударил наотмашь. Пальцы разжались сами, но она на коленях кинулась под ноги мужчине, не давая пройти.

– Господин, помогите! Молю вас! Меня хотят...

Темный переулок наполнился светом. Ее догнали.

Энджел взглянула вверх, и новый крик умер на губах, поглощенный бездной мужских глаз.

О... О, Создатель...

Голова пошла кругом, и смерть за спиной – всего лишь досадная помеха.

Энджел не видела все лицо – темный шелковый платок скрывал нижнюю часть. Но ей хватило оставшегося. Теперь она знала, как выглядят черные звезды. Дышать больно, до

того прекрасны! Глубокий блеск под веером длинных ресниц манил сильнее, чем мотылька манит огонь. Заставлял вглядываться в мерцающую топь, теряя голову и себя...

И сердце бешено выстукивало уже не от быстрого бега. Пальцы немели, стискивая грязный подол, и неважно, что он мокрый насквозь. Все неважно, кроме мужчины перед ней. Такого высокого, странного... И в груди тоже странно. Дрожит тонкой стрункой, бросая то в жар, то в холод.

– Прощения просим, господин, – хриплый голос брата комком грязи разбил очарование.

Энджел нервно вздрогнула и попыталась незаметно подобраться к мужским ногам. – Сестренка потерялась. Заплутала, глупенькая...

Лжец! Отвратительный, грязный лжец, продавший ее, как скотину! Но перед этим возжелавший опробовать «товар». Тошнота зашевелилась в пустом желудке. Нет, она больше не выдержит ни гнилого дыхания, ни липких пальцев, червями ползающих по коже. Она просто умрет!

– Господин, спасите! – вновь посмотрела вверх, но мужчина разглядывал сборище за ее спиной. – Ради Создателя, господин...

Горло перехватило спазмом, и слезы потекли по щекам. Если он сейчас отступит... Если ударит ее тростью или отпихнет сапогом... Нет, лучше смерть!

– К-хм, благородный сэр... – незнакомый голос за спиной сочился до того липкой подбострастностью, что Энджел

передернуло. – Девушка – собственность... этого господина.

– Так и есть, – поддакнул мучитель. – Работает она на меня...

Одним словом с ног до головы выпачкал. Заклеймил продажной девкой. Энджел разрыдалась пуше прежнего. Совершенно обезумев от страха, вцепилась в блестящие сапоги, прижимаясь всем телом.

– Спасите, спасите, – залепетала, утыкаясь лбом в мужскую ногу.

– Она – моя.

С перепугу Энджел не поняла слов. Они прошли фоном, оставив после себя ледяную волну отчаянья, но недовольный гул за спиной все же заставил обернуться.

Грузная фигура Джейкоба занимала почти весь узкий проход. В окружение прокопченных стен и таких же помощников, он на мгновение показался ей олицетворением трущоб. Грязный, подлый... пропитанный извращенной похотью.

– Но, сэр...

– Она. Моя.

В спокойном тоне зазвучала сталь. В лицо бросилась краска, и Энджел скорее опустила голову, плотнее прижимаясь к своему спасителю. Его голос был так же прекрасен, как и глаза! Твердый, будто черный гранит и глубже бездонного неба, а благородная хрипотца щекотала нервы, заставляя сердце то замирать, то пташкой колотится о ребра.

– К-хм, моя сестра уже взяла деньги. . .

Энджел подавилась воздухом – наглая ложь! Над головой послышался шорох, и ее протест утонул в испуганных криках и топоте. Улица опустела. Да что такое?!

– Хватит пачкать мою обувь, нищенка.

Небрежным толчком мужчина отпихнул ее в сторону.

Вскочив на трясущиеся ноги, Энджел завертела головой. В переулке опять было темно, ни одного из преследователей не осталось. А ее спаситель уходил прочь!

– Господин! – бросилась следом.

А в следующий миг давилась криком, прижимая испачканную ладонь ко рту. Мужчина обернулся, и в его глазах вспыхнуло неживое пламя. Постукивая тростью, перед ней стоял некромант!

– Ты помешала мне пройти. Испачкала сапоги и одежду. Заняла мое время, а теперь смеешь требовать внимания?

Он не кричал на нее. Не произнес ни одного бранного слова, но Энджел перетрясло от ужаса. Меньше, чем грязь под ногами – вот кто она. Жалкая падаль, смевшая открыть рот и обратиться к самому Создателю. Но что герцог делает тут?! Среди пропитанных дымом и людскими пороками улиц. . .

– Гос. . . господин де Сармунд! Прошу, убейте меня!

Всем нутром Энджел ощутила мужское изумление. Не ждал, что она знает фамилию единственного некроманта Ангалии*? Или её просьбы? Неважно, Демон обратил на нее внимание. О да, она хорошо помнила это прозвище, что шеп-

тали на каждом углу. Бледное пламя потухло, и трость прекратила выстукивать похоронный марш.

– Вы спасли меня и моя жизнь в вашей власти, – торопливо забормотала Энджел, склоняясь перед женщиной. – Но прошу, не отворачивайтесь от нее, как от безделицы. Меня все равно найдут, и тогда...

Голова опять закружилась, и если бы не стена рядом – валяться ей снова в грязи. Энджел облизнула пересохшие губы, и на зубах захрустел песок.

– ...тогда смерть будет дольше и мучительней. Мой господин, будьте милосердны... А если моя жизнь не стоит и капли Вашей силы, то, может, она сумеет послужить во благо? Я очень усердна и вынослива! Умею все по дому: убирать, стирать, готовить, шить... Я очень хорошо шью! Дайте мне самую черную работу, и, клянусь, она будет исполнена быстро и хорошо.

– Всего лишь хорошо? – насмешка в его голосе заставила лишь сильнее съёжиться.

– Я не вправе считать себя лучше ваших работников, – прошептала Энджел.

– Как интересно... Шлюхе знакомо понятие благородства. Она не шлюха! Но Энджел благоразумно смолчала – оправдания могли разозлить герцога ещё больше.

Трость тихонько стукнула. Раз, другой, третий... Низко опустив голову, Энджел ждала своего приговора. Уж лучше смерть! Некромант сумеет сделать ее быстрой и безболез-

ненной.

Послышался тихий шорох, и глаза сами зажурились. Вот и все! Через несколько ударов сердца она увидит матушку... если Создатель разрешит войти в Сады покоя и благодати.

– Раз знаешь мое имя, так и дом найдешь. Вот, – под ноги что-то шлёпнулось, – покажешь привратнику.

Энджел быстро подняла вещицу. Серебряная пуговица! Месяц сытой жизни в трущобах... или ниточка, что выведет из них.

– Спаси...бо, – прошептала в пустоту. Герцог ушел...

– Господин, к Вам... к-хм... девица.

Чашка звякнула о мраморную поверхность стола. Туда же полетела газета. Ещё одна жертва сегодня ночью. Проклятье!

– Какая, к черту, девица?! – рявкнул зло. Вся ночь псу под хвост! Но Клаус даже не дернулся – давно привык. Ещё бы! Уже полвека при этом доме. Своего господина младенцем видел.

– Грязная, – растерянно сообщил дворецкий.

Грязная? Дэвид нахмурился. Желание разнести кабинет в хлам потеряло свою остроту.

– И при ней пуговица Ваша. Отдавать отказывается.

Добралась все же... А он и забыть успел о грязной нищенке, перепачкавшей его одежду. Поморщившись, Дэвид сдернул салфетку с шеи. Какого черта завернул в тот переулок? Вместо искомого убийцы наткнулся на обыкновенную шлю-

ху, удиравшую от клиентов. Но, надо сказать, девка оказалась занятой. Какие чистые и невинные глаза! А как испуганно жалась к нему... Дрожала вшивым котёнком, умоляя о помощи. Цеплялась тонкими пальцами не подозревая, насколько близка к смерти. А потом ещё и просила о ней.. Ха! Мимолётный интерес вновь дал о себе знать.

– Впустить, отмыть и пусть осмотрит доктор. Если найдет хоть одну болезнь – вон. Мне не нужна зараза в доме. Окажется чистой – привести ко мне.

Молча поклонившись, дворецкий выскользнул за дверь, а Дэвид поднялся и подошёл к окну. Перед глазами настырно маячили два огромным небесных озера полных мольбы и страха. Любопытно в них посмотреть при свете дня...

** – Действие происходит в вымышленной стране Англии (за основу бралась Англия, Викторианской эпохи, середина 19 века). НЕ исторический роман. Допускаются любые вольности.*

Глава 2

– Глаза закрыть.

Поток воды обрушился сверху. Энджел закашлялась, изо всех сил стискивая железный поручень.

– Дура, – припечатала служанка. Загремели склянки и плошки. В руку сунули кусок мыльной губки, – сама мойся. Не хватало мне тут пачкаться.

Проглотила молча. В ее ли положении спорить? Притащилась в Верхний город оборванная и грязная, как добралась – сама не помнила. По закоулкам, прячась в тени и вздрагивая от любого шороха. Часть дороги удалось проделать на запятках общественного кэба. Если бы возница человеком был – согнал прочь, но старому голему все равно. Намертво прилипнув к холодной задней стенке, Энджел ехала в сторону богатых особняков. О, эти маски великого Лонтора! Трущобы рядом с кварталами, блиставшим магическим светом и чистотой. Да, она знала, где жил герцог. А кто не знал? Это почти, как дворец короля! Мать обшивала и прислугу из знатных домов, и несколько раз Энджел посетила Верхний город.

Нет, они не подходили близко к огромному особняку де Сармундов, но маленькая девочка навсегда запомнила густой сад, острые шпильки и кусок-темно коричневый кладки, по которой змеился плющ.

Мыльные потёки грязи ползли по коже, а Энджел кусала губы, изо всех сил стараясь не упасть. Двое суток на ногах. Без пищи, в постоянном страхе... Едва только переступила порог – чуть не рухнула на хмурого дворецкого. Да если бы не пуговица...

Энджел покосилась на полочку, где рядом с флаконом шампуня блестел кружок серебра. Она никому его не отдала! Нет-нет, ни за что!

– Ну, скоро там?! – донеслось из-за ширмы.

– Почти все, госпожа, – прошептала заплетавшимся языком.

От теплой воды совсем разморило, а тонкий аромат чистоты кружил голову. Как же давно она не принимала ванну! Довольствовалась мокрой тряпкой и дешёвой мыльной бурдой для тела... Матушка бы никогда не купила такого!

«Аккуратность прежде всего, моя радость. Пусть на плечах худое платье, но оно должно быть чистым, а от тела пахнуть хотя бы ничем, если уж нет душистой воды».

Энджел тихонько всхлипнула, торопливо жмуря глаза под новой теплой волной. Как не хватало мамы! На память только несколько безделушек осталось, да кольцо... Ойкнув, она поднесла руку к лицу. Не жмёт больше! Опять свободно крутится на пальце, как прежде. Только вот снять нельзя. Никак не получалось с той поры, как мама сама попросила его надеть. На безымянный палец левой руки. Сказала, что это их наследие – обыкновенный железный ободок ценою в медный

грошик. Ну да зато не потеряется...

– Полотенце на скамье, – сварливо указала служанка. Смотрела на нее, уперев руки в крутые бока, и морщила нос. – Тощая какая! – обронила недовольно. – Платье болтаться будет...

Да пусть болтается, лишь бы чистое!

– А волосы у тебя богатые, – протянула задумчиво. – Только вшивые, наверняка.

Энджел вспыхнула, старательно промакивая локоны. Вшивые... Ещё чего!

– У меня щётка... густая... И настойка...

Женщина пренебрежительно фыркнула, но поджимать губы почему-то перестала.

– Щетка, как же! Идём, доктор уже заждался.

– Кто? – прошептала едва слышно.

– Доктор! Смотреть тебя будут. Заразные шлюхи господину не нужны!

Едва сдерживая рыдания, Энджел сменила за шагавшей служанкой. Лучше бы ее убили в той подворотне!

Лежать перед мужчиной, ещё и с раздвинутыми ногами... Да пусть он хоть трижды лекарь и старик! Сначала было ещё ничего. Ей даже понравился сухощавый строгий старец с аккуратной бородкой и блестящими очками. Такой вежливый. Не обозвал и даже не поморщился, хотя в чистом платье служанки и вымытая она выглядела куда лучше.

Началось все с безобидных вопросов. Сколько лет, как зовут... Каплю крови Энджел тоже отдала легко. Амулет лекаря милостиво принял скромный дар и наградил ее разноцветным свечением. Ей не очень понравилось несколько серых всполохов, но доктор остался безмятежен. А потом вдруг приказал лечь на мягкую кушетку и снять панталоны!

Щеки обожгло пожаром. Опустив голову, Энджел кусала губы, стараясь просто забыть о нескольких деликатных прикосновениях.

– Довольно носом шмыгать, – вдруг неожиданно произнесла все та же служанка. – Каждая из нас первым делом к господину Смиту шла. И мужчины шли. Всех смотрел одинаково.

– Спасибо, госпожа – вздохнула Энджел. Правда, чего вдруг разнервничалась? Но как же стыдно...

– Да какая я госпожа? – хохотнула служанка. – Вот пугливенькая, и откуда выбралась? Матильда я. Для тебя на будущее – мисс Пэри. Экономка при господине де Сармунде.

– Как скажете, мисс Пэри... А почему – на будущее? Может...

Тут Энджел осеклась. Даже думать страшно, что случится, если герцог вышвырнет ее отсюда. Но служанка опять фыркнула, осмотрела ее с ног до головы, и Энджел показалось, что в серых глазах мелькнуло лукавство.

– Пришли уже. Ну, давай, деточка...

Мисс Пери нажала окованный латунию звоночек, и замок

тихо щёлкнул. Толкнув тяжёлые двери, служанка быстро отступила в сторону.

– Девушка прибыла, господин.

Толчок, и Энджел чуть кубарем не полетела на блестящий паркет. За спиной хлопнул двери. Возмущенная, она обернулась, но подлой мисс Пэри и след простыл! И в комнате пусто... Беспокойство заверещало на все лады. Все недовольство мигом исчезло от понимания, что ее оставили одну!

Робко шагнув вперед, Энджел остановилась. Взгляд скользнул по дорогой мебели и предметам искусства. Красота и строгость кабинета привели бы в трепет, но ей отчаянно хотелось распахнуть высокие окна и сделать хоть глоток воздуха!

Голова опять закружилась. Присесть бы на оббитую вишневым бархатом софу или хотя бы резной стул, но двинуться с каждой секундой все труднее.

– Хм, неужели передо мной та самая нищенка?

Внутри стало пусто и гулко. Медленно-медленно Энджел повернула голову. Заложив руки за спину, в дорогом черном костюме и без платка, скрывающего внешность, около одной из колонн стоял сам герцог.

Пол под ногами качнулся. Ещё и ещё. Черный туман за клубился под потолком и рухнул вниз, погребая под собой и роскошный кабинет, и высокого мужчину с темно-пепельными волосами и жёстким выражением лица.

– Проклятье!

Перехватив девчонку за талию, Дэвид оглянулся. Надо бы на полу и оставить, но, подумав, перенес на софу.

Не шевельнулась даже. Как лежала тряпичной куклой, так и лежит, и он застыл. Черт возьми, вот это сюрприз! Ещё в подворотне заметил, что девка не уродлива, но чтобы настолько...

Дэвид пригляделся внимательнее. Какая милашка!

Белокурые волосы слегка пушились, завиваясь в крупные локоны. Густую роскошь не прятал серенький чепец служанки. Высокий лоб и чуть широковатые скулы придавали художнику личику беспомощное выражение. Бледно-розовые губы прекрасны. Не вульгарно пухлые, но и не капризно тонкие. И наверняка мягкие...

Дэвид нахмурился. Что за блажь! А взгляд уже ласкал тонкую шею, и выступающие дуги ключиц. Декольте сбилось, практически обнажая упругий холмик...

– Лекаря!

Хрипотца в собственном голосе разозлила. Оттолкнув девицу, поднялся на ноги. Но опять обернулся. Зацепился взглядом за хрупкую руку, свисавшую нежным изломом, и снова вернулся к лицу. Ну просто олицетворение невинности – художника звать надо, а не врача! Сколько мужиков успело отодрать это белокурой создание? Наверняка девка пользовалась огромной популярностью.

Магия заворочалась в груди, распуская жгучие щупальца

гнева. Желание свернуть кому-нибудь шею обожгло яркой вспышкой, и линии татуировок заледенели, готовые принять всплеск силы. Чертова бессонная ночь! И такое же утро! Надо послать за Роззи.

– Господин? – в комнату просочился Смит.

– Я недостаточно ясно выразился? – оглядел прямого, как палка, врача. – Больной здесь не место!

Доктор невозмутимо поправил очки.

– Девушка здорова. Истощена, несомненно, страдает некоторыми характерными для ее окружения заболеваниями...

– О да, у трущобных шлюх богатый выбор на болезни!

Доктор поперхнулся. Посмотрел на него как на полоумного, и опять поправил очки.

– Ни одной срамной болезни, господин. Юная мисс девственна.

Дэвид резко обернулся, впиваясь взглядом в лежащую на софе девушку.

– Девственна? – переспросил, уже зная, что услышит в ответ.

– Да, мой господин. Чиста, как слеза святой Мэри.

Сердце тяжело стукнуло о ребра. И жажда, терзавшая с ранней юности, выпустила когти, вонзая их прямо в душу. Надо вызвать Роззи. Срочно.

– Имя.

– Энджел, господин... Энджел Нилл.

Черные глаза сверкнули, а ей вдруг стало неловко. Как будто насмешка над его прозвищем. Ангел и Демон... Хуже не придумать!

– Возраст.

– Девятнадцать, господин...

Злой излом брови стал ещё острее.

– ... Я выгляжу младше, господин, – забормотала Энджел, утыкаясь взглядом в пол. – Мне девятнадцать, клянусь.

– Девятнадцать и без выводака детишек... Занятно.

Нет, это настоящая пытка! Стоять и бесполезно пытаться выглядеть достойно. Этот мужчина... О, лучше бы ее вышвырнули прочь. До сих пор перед глазами жёсткие, будто высеченные из мрамора черты. А этот взгляд... Она чуть вновь не лишилась духа, когда увидела склонившегося над ней герцога. Воистину – Демон. Он был так близко! И разглядывал так пристально...

– Значит, шьешь?

Энджел моргнула, пытаясь избавиться от наваждения. Конечно, герцог хорош собой! Может, его черты и напоминают о хищном звере, но это куда лучше завитых локонов и напомаженных усов. Но ей смотреть лишний раз не стоит.

– Моя матушка была белошвейкой. Я многому обучена!

– В моем особняке есть швея.

Не сдержавшись, Энджел заправила выбившийся локон.

– Я... я умею не только шить! Любая работа, господин...

Запнулась, уловив лёгкое движение. Мужчина оттолкнулся от стола и направился к ней. Нервы зазвенели от напряжения. Энджел таращилась на блестящий паркет, чувствуя, как снова ведёт голову. Воздух загустел, застревая в горле сухими комками. Вокруг словно заискрилась сотня жалящих молний, рассыпая по телу колкие мурашки.

А мужчина медленно обошел ее кругом и остановился за спиной. Тонкие волоски на шее и руках встали дыбом, и в глазах опять потемнело.

– Любая?

Горячее дыхание обожгло кожу сильнее пламени. Энджел судорожно вздохнула.

– Да... да, господин. Я... старательная, и...

Облизнув пересохшие губы, Энджел замолкла. В голове звенела блестящая карусель, увлекающая в головокружение. Герцог так близко!

– И?

Бархатная хрипотца заставила прикусить губу. Создатель, как тут жарко... Невыносимо! Ей нужен воздух!

– И... и... мало ем?

Громкий смех был словно пощечина. Возмущение и обида разорвали в клочья все очарование. Над ней просто потешались! Вздернув подбородок, Энджел рванула прочь.

– Стоять!

Крепкая хватка за руку помешала бегству. Играючи, мужчина развернул ее к себе и схватил за плечи. Жар широких

ладоней просочился сквозь платье, отбирая дыхание. Какой сильный!

– Ты действительно думаешь, что у меня не найдется миски супа для прислуги?

– Для прислуги может и надеяться, но швея в вашем особняке уже есть! – выпалила и тут же испуганно прикусила губу. Дура! Кому вздумала показывать характер?

Но герцог опять хмыкнул. Черная топь глаз стала гуще, завораживая колкими искрами, вспыхнувшими под толщей мрака.

– Еще одна лишней не будет, Ангел-который-мало-ест.

Энджел вспыхнула, опуская глаза. Еще несколько секунд мужчина разглядывал ее, но все же отпустил.

– Поступишь в распоряжение Матильды. Она все объяснит. И передай, что бы вызвала Роззи.

Глава 3

– Платье ушьешь. Полотенце тоже сама стирай, и нижнее белье... Нет-нет. Белье купить надо бы. Тошная! Что смотришь? Ешь!

Она и так ела. Ловила обжаренные кусочки сальца, что плавали в прозрачно-золотом бульоне, и отчаянно пыталась понять, почему думает не о еде, а какой-то Роззи. Неправильные, но очень настырные мысли раздражали и мешали насладиться пищей.

– И не вздыхай! Не люблю этого! Нельзя тебе много, иначе желудок скрутит. Господин доктор лучше знает, как доходяг выхаживать. Теперь слушай и запоминай: для горничных работу в доме назначаю я или сам герцог де Сармунд. Больше всего господин ценит послушание. Скажет на одной ноге прыгать – прыгаешь, скажет лечь спать на площади – идешь и ложишься...

Энджел похолодела. Создатель...Герцог самодур?! Но мисс Пери громко фыркнула, оглаживая белый передник.

– Волос много – мозгов мало. Никто тебя на площадь не отправит. Но тростью получить можешь. Наш уважаемый хозяин наделен Даром. Понимаешь?

С трудом. Энджел мало слышала о некромантах. В Англии остался лишь род де Сармунд, что носил в своей крови Дар говорить и договариваться со смертью. Они могли об-

легчить кончину или сделать агонию невыносимой, указать путь заблудшей душе или запутать ее, могли напитать амулет защитной силой или наслать проклятье. Но у каждого были свои способности. А еще поговаривали, что разозлить некроманта куда легче, чем обычного человека, ведь в его венах кипит темная магия – она и делает характер вспыльчивым и скверным.

– Я буду внимательна, мисс Пэри, – согласилась Энджел. За такое место надо держаться! Даже если сюда возьмут Роззи. О, Создатель... Энджел зло захрустела лепешкой.

Женщина присела напротив, сложив крупные кисти замком.

– Вот именно деточка, и к тому же...

Договорить не успела.

– А, вот та грязная побирושка, о которой шепчется весь особняк!

На пороге появилась молодая служанка. Светлые, совсем как у Энджел, волосы собраны в тугую косицу, вздернутый носик презрительно наморщен, а грудь того и гляди вывалится из глубокого декольте.

– Уже закончила чистить камин, Клэр? – холодно обронила экономка.

Наглая девица прищурилась:

– Закончила!

– Так закрой рот и займись коврами в малой гостиной.

Темные глаза наполнились яростью, будто это Энджел от-

дала приказ. Громкий хлопок двери оборвал короткий и неприятный разговор.

– Тебе придется с ней работать, – повернулась к ней женщина. – Дразги меня не интересуют – приказы должны быть исполнены. Разбирайтесь между собой сами.

– Но я ничего ей не сделала!

Устыдившись беспомощности собственной фразы, Энджел с удвоенной силой застучала ложкой.

– Дай Создатель и не сделаешь, – задумчиво проговорила мисс Пэри, а потом, гулко хлопнув по столу ладонями, поднялась. – Довольно разговоров. Доедай, и я покажу тебе кровать. Господин де Сармунд щедр, и те, кто живет в особняке, довольствуются комнатой на двоих. Поселю тебя к Лотте-кухарке. Тихая соседка.

Трость резко опустилась на узкую спину. С оттягом, жестко, оставляя за собой багровый след.

– Деся-я-ять...

Возбужденный стон любовницы не успокоил. Женщина извивалась и текла, но вместо привычного удовлетворения нутро выгрызали раздражение и злость.

– Одиннадцать... – захрипела на очередной удар, содрогаясь от удовольствия и боли.

Сколько он перебрал таких? Элитных шлюх, готовых засунуть в себя что угодно и стерпеть любую прихоть. Удары, брань, бесконечное количество любовников, когда одну име-

ет дюжина, заливая семенем с ног до головы. Но только Роззи наслаждалась своей работой. К черту ласку – этой нужен был крепкий кулак.

Любая вольность с ней превращалась в обоюдное удовольствие. Но только не сегодня.

– Пятнадца-а-ать! – захныкала, приподнимая ягодицы. Гладкая промежность блестела от сока. Натягивая шелковые шнуры, женщина тихо поскуливала, пытаясь вымолить разрядку.

И у него в штанах от напряжения свело, а в голове настыр-но шелестит тихое:

– Энджел...

Ангел, мать ее! Маленький рыдающий Ангел, который – ну надо же! – встретился в грязи лонторских трущоб! Бросился к нему под ноги, общипанный и грязный, умоляя о спасении Демона.

Что за идиотская насмешка судьбы? Хорошенькое искушение, так робко глядевшее на него из-под вуали черных ресниц. Как она вообще осталась нетронута до девятнадцати лет? Чушь! Но Смит не стал бы лгать...

– Господин, – не выдержав, прохныкала Роззи.

Еще один удар заткнул любовницу. Дэвид резко дернул шнуры, освобождая женщине ноги. Ей не нужно было объяснять – три года в одной постели не оставили между ними секретов. Поднявшись на колени, поползла к нему, вздрагивая и постанывая от возбуждения. Держится из последних

сил. Знает, что если кончит сейчас – останется без любимых развлечений на несколько недель. И золота вполовину меньше. О, эта блестящая мера женской благосклонности! Наверняка Ангел еще не вкусила благоухающей отравы...

Зарывав от раздражения, сгреб в горсть роскошные медно-красные локоны любовницы. Подделка! Хна и золотой порошок сделали из русских волос огненную бурю, но раньше это не бросалось в глаза.

Ловко управляясь зубами, Роззи потянула вниз ткань, освобождая налитую желанием плоть. Заглотила сразу до основания и посмотрела вверх – именно так, как он любил. Руки связаны, задница оттопырена. Идеально, но все равно не то!

Похоть в зеленых глазах раздражала, отметины на спине – бесили, а еще эта новая горничная в его доме... Черт! Надо было выставить девку за дверь!

Но вместо этого оставил... Терпеть не мог посторонних, а эта даже без рекомендаций. И все-таки сделал исключение... Мало ест она – это же надо такое придумать!

Роззи старательно причмокивала, и плоть отзывалась на умелые ласки. Сжимая рыжие локоны, Дэвид прикрыл глаза, резко вбиваясь в рот любовницы. Да, вот так! Еще жестче. Быстрее!

Женщина жалобно всхлипывала. Он знал, что ей нравится, но не получал от этого былого удовлетворения. Разрядка вышла короткой и смазанной.

Швырнув любовницу на постель, он в пару резких движений довел ее до оргазма.

– Спасибо, господин... – прохрипела в подушки, вздрагивая от крупных судорог.

Дэвид хмуро оглядел довольную женщину и, очистив плоть полотенцем, поправил штаны и рубаху.

Забрав трость, прошелся к креслу, подхватывая со спинки камзол.

– Деньги на столе. Смит явится через пять минут.

С трудом усевшись, Роззи призывно развела ноги, демонстрируя припухшее и насквозь мокрое лоно.

– Как прикажете, господин. Я буду считать минуты до встречи с Вами.

Маска покорности на кукольном личике выглядела убого. Они оба знали, что одного раза ей мало. Как-то Дэвид решил проверить, сможет ли Роззи продержаться до утра. Разумеется, она справилась – жемчужину элитного борделя «Алая ночь» не испугать жесткими играми. Впрочем, все «ночницы» обладали тремя обязательными качествами: красота, отменное здоровье и такой же опыт в любовных утехах. Сам король заказывал себе фавориток из этого заведения. На любой вкус, готовые к любой прихоти – только плати.

– Когда понадобится – за тобой пришлют, – поставил точку в сегодняшнем вечере.

Пожалуй, стоило просто выспаться, а не тратить силы на доступную красотку.

Смит дежурил в соседней комнате. Стены не пропускали звуки, укрепленные амулетами безмолвия, поэтому врач всегда находился в готовности.

– Как обычно, – бросил Дэвид невозмутимому доктору. – Осмотреть и вызвать экипаж.

Мужчина ограничился сухим кивком. Отличный специалист. Отец нанял его лет сорок назад – нашел, как ни странно, не в медицинской Академии Лонтора, а в обычной провинции, куда примчался на очередную казнь. Смит еще не был врачом, только помощником, потому что не имел денег на обучение. Бернард де Сармунд не пожалел нескольких мешочков золота и в конечном счете получил прекрасного доктора. Исполнительного, молчаливого и благодарного за оказанную милость.

И вот сын повторил подвиг отца – среди грязи повседневности нашел нечто занятое! Ангел... Хрупкая белокурая птичка, щебетавшая у его ног о милости... Это выглядело слишком привлекательно!

– Господин, – комнату заглянул дворецкий. – Только что прибыл посыльный. Письмо от короля.

Проклятье! Врезать бы тростью по ближайшей вазе, да так, чтобы звон на весь особняк! Государь желал ответа, почему сумасшедший убийца до сих пор на свободе? Или опять решил прополоскать мозги на счет женитьбы? Когда же дражайший герцог осчастливит одну из своих невест фальшивыми клятвами верности? Год, отведенный на размышления,

подходил к концу.

– Отлично, – процедил сквозь зубы. – Распорядись задержать посыльного. Ответ будет.

Глава 4

Кухарка Лотти была кем угодно, но не тихой соседкой. И если бы не усталость и давняя привычка к шуму, то Энджел не сомкнула бы глаз. Невозможно худая женщина храпела громче дородного мужчины. Не потому ли и жила в комнате одна?

Но спрашивать Энджел не собиралась, точно так же как кухарка не собиралась разговаривать. Ограничившись сухим «Я – Лотти», женщина быстро оделась и исчезла в дверях. Они познакомились только утром. Днем, когда мисс Пэри милостиво разрешила ей отдохнуть, в каморке никого не было. И да, герцог действительно оказался щедр. Мебель стояла добротная, а не какие-нибудь обноски, стены обиты светлыми и не самыми дешевыми обоями, а единственное окно выходило в сад. Но самым невероятным оказалось отопление! Никаких сквозняков и кровать боком прижимается к теплой стенке.

Но сил восхититься чуду не оставалось. Едва сумев раздеться, Энджел повалилась на постель и уснула. Разбудил ее грохот, оказавшийся храпом Лотти-кухарки. Сначала Энджел испугалась – незнакомое место совсем не походило на ее комнатку-чердак, в доме ненавистного брата, а скуластое лицо женщины, лежавшей на соседней кровати, в свете ночника казалось уродливой маской. Но, вспомнив где она, Эн-

джел быстро успокоилась и снова уснула.

И в этот раз ей снилась мягкая черная топь, а слух ласкал бархатно-хриплый голос, шептавший что-то приятное.

Проснулась Энджел на смятых простынях, обнимая скрученное в ком одеяло. Вот что значит тепло в комнате! Обычно она укрывалась так, что торчал один нос.

Обменявшись сухим приветствием с кухаркой, Энджел и сама стала собираться. В кувшине оказалось довольно воды, чтобы привести себя в порядок, а на полочке красовалась новая зубная щетка и гребень. На стуле дожидались темное платье служанки и серенький чепец с передником. Белье хранилось в шкафу. Видно, мисс Пэри заглядывала, пока ее нет. Но первым делом, прежде чем почистить зубы и умыться Энджел проверила – на месте ли пуговица. Если герцог дал, пусть сам и требует назад. А пока надо придумать для нее хранилище надежнее...

Короткий стук прозвучал ровно в тот момент, когда Энджел балансировала на стуле, заглядывая на верхнюю полку небольшого платяного шкафа – есть ли там местечко?

Едва успела соскочить на пол – дверь распахнулась.

– Уже оделась, – вместо приветствия бросила мисс Пэри. – Хорошо. Время завтрака.

Стоило вспомнить о еде, рот наполнила слюна. Завтрак – это прекрасно!

Воодушевлённая мыслью о еде, Энджел последовала за экономкой. Мисс Пэри вела ее к лестнице для прислуги.

Вчера девушка хоть и была измучена до полусмерти, но постаралась запомнить маршрут. И совсем дом господина де Самунда не мрачный! Много дерева и окон, всюду картины и прекрасные статуэтки... Но в меру! Удивительная гармония строгости и роскоши.

– Покойная миссис де Сармунд расстаралась, – пояснила Матильда, заметив интерес к обстановке вокруг. – Прекрасная женщина была, храни ее Создатель.

От желания узнать хоть немного больше покалывало кончик языка, но Энджел позволила себе лишь кроткое:

– Очень красиво, мисс Пэри.

Наградив ее странным взглядом, женщина пошла дальше. Вместе они спустились на первый этаж в столовую, где обедали слуги.

Их появление было встречено тишиной. Людей было на удивление не много – около дюжины, все с разной степенью любопытства смотрели на нее. А белокурая Клэр ещё и со злобой.

Энджел поежилась. Неприятно, но все-таки лучше, чем когда тебя хватают за руки пьяные дружки братца на унижительных «смотринах».

– Познакомьтесь с мисс Энджел Нилл, – представила ее экономка. – С этого дня девушка работает и проживает в этом доме.

– Доброго утра, дамы и господа... – голос дрогнул от волнения, и Энджел замолкла.

Клэр хищно прищурилась. Того и гляди съест вместо утренней каши. Не желая портить аппетит перекошенным лицом красавицы, девушка сосредоточилась на разглядывании остальных слуг.

По большей части все старше нее. Двое подростков-мальчиков, очевидно – посыльные, а вот горничные – женщины возраста мисс Пэри. Из мужчин достаточно молод только один: черноволосый, с ясным и очень пристальным взглядом. Энджел торопливо отвела глаза – она тут не ради знакомств.

– Время для завтрака продлевать не буду, – подал голос дворецкий, который тоже находился тут, – кто не успеет – не мои проблемы.

– Поддерживаю, – сухо добавила мисс Пэри, обращаясь к женщинам.

Строго тут... Ложки снова застучали.

– Твое место там, рядом с сестрами Оттис, – указала на стул в самом уголке рядом с двумя очень схожими горничными.

– Благодарю, мисс Пэри.

Наградив ее ещё одним пристальным взглядом, женщина развернулась, и пошла к центру длинного стола, делившего на мужскую и женскую половины.

Махнув рукой на странное поведение мисс Пэри, Энджел заторопилась к своему месту. Золотистые гренки выглядели так аппетитно! А этот удивительный запах цветочного чая!

И что это на столе, сахар?! О-о-о, как же суметь отрыть рот и не закапать слюной передник? Последний раз она пробовала сладкое когда ещё был жив дядя Ральф – родной брат мамы. Он так часто баловал свою «маленькую Энджи», и заботился о своей сестре – юной Мелиссе Нилл, когда их родители отrekliсь от дочери, только лишь за то, что она отказалась убивать приплод.

Прикусив губу, Энджел аккуратно расправила подол и села на отведенное место. Казалось, все сейчас смотрят на нее... Бросив осторожный взгляд в сторону одной из сестер Оттис, подхватила со стола салфетку и точно так же расправила на коленях. А вот теперь можно за ложку браться...

Но, сняв с глубокой чаши крышечку, Энджел едва успела подавить разочарованный стон. Так мало! У ее соседок куда больше, а тут всего лишь половина, и крупа сварена явно не на молоке... И гренок рядом нет, только сухие лепешки...

Проглотив обиду вместе со слюной девушка занялась предложенным. Надо помнить свое место. И слова мисс Пэри о том, что много ей нельзя. Обойдется как-нибудь без этих замечательных румяных греночек... И белоснежных кусочков сладости...

Каша исчезла в два счета, хлеб тоже. Старательно собрав все до крупинки, Энджел подхватила чай. Внимание к ней ничуть не ослабло, наоборот, стало пристальней. Девушка похолодела... неужели она повела себя некрасиво? Может, стоило есть медленнее? Но каша оказалась удивительно

вкусной. И сытной.

– Спасибо, – первой из-за стола встала хмурая Клэр. Глаза девушки не просто горели – метали молнии.

– Сегодня поменяешь постели на втором этаже и освежишь занавески, – тут же отозвалась мисс Пэри.

– Помощницу бы мне, – нагло заявила Клэр, – вот новенькая, как там ее... а, Эмма...

В лицо бросилась краска. Энджел голос потеряла от возмущения! Белобрысая змея назвала ее общим именем*! А сама-то! Такая же прислуга! Но пока Энджел мучительно подбирала слова для ответа, мисс Пэри осадила нахалку коротким:

– Закрой рот. Выполнять!

– Как прикажете, мисс Пэри, – елейно пропела Клэр.

Еще и передразнивает ее! Но под строгим взглядом экономики Энджел не рискнула затевать ссору.

– И в прачечной поможешь, – добавила мисс Пэри.

Скорчив злую рожицу, Клэр небрежно поклонилась и выскочила из столовой. За ней поднялся молодой мужчина – тот самый, с черными волосами.

– Займись крышей, мистер Саммерс, – обратился к дворецкому. – Левое крыло ещё не осмотрено.

– Ступай, Вильям.

Один за одним слуги вставали, а мисс Пэри или дворецкий – мистер Саммерс – распределяли между ними работу.

Энджел сделала последний глоток чая и тоже встала.

– Благодарю, – произнесла вполне искренне. Пусть взять сахара рука не поднялась, но желудок сыт, а это главное.

Мисс Пэри задумчиво разглядывала ее несколько секунд.

– Поблажек я не терплю, – произнесла, наконец, – запомни это хорошенько. Но и работница из тебя сейчас никакая...

– Я могу...

Энджел нервно прикусила губу, напоровшись на стальной взгляд.

– ... Прошу прощения, мисс Пэри.

– Поработаешь в библиотеке, – продолжила экономка. – Надо смахнуть пыль с книг да заменить светильники. А вечером приведешь в порядок платье. Пустой мешок на палке и тот лучше выглядит.

Энджел стыдливо спрятала руки за спину. Ну да, великовато. Но у нее не было времени исправить. К тому же где взять нитки с иглой... и можно ли?

– Пойдем, Энджел, – почему-то вздохнула мисс Пэри. – Выдам тебе светлячков.

Светлячками назывались амулеты, источавшие магическое сияние. Их, как и другие подобные штучки, делали артефакторы – тоже аристократы. Они создавали из железа удивительные вещицы и напитывали их силой. Самые одаренные могли собрать голема, а другие – лишь крохотного светлячка.

И все же только богатые могли позволить себе пользовать-

ся услугами артефакторов. И, судя по полной корзине тускло сиявших кружочков с оттиском молота и шестерёнки, в финансах герцог де Сармунд стеснен не был.

Стоило вспомнить внимательный взгляд черных глаз, как сразу стало душно, словно передник был завязан слишком туго. А какие у него необычные волосы! Перец с солью, будто мужчина поседел раньше времени. На висках немного светлее, к затылку темные, а вот брови угольно черные, широкие... и небольшая морщинка между ними – Энджел ее заметила... Но ему шло. Очень... И черный камзол, ладно сидящий на подтянутой фигуре. Никакого пивного брюха! А плечи такие широкие, сильные...

Замечтавшись, она чуть не врезалась в мисс Пэри. Едва успела остановиться, крепче прижимая к себе корзинку со «светлячками».

– Ну, вот и библиотека, – экономка распахнула перед ней двери. – Менять умеешь?

Пришлось виновато вздохнуть – откуда ей уметь? Ненавистный братец Джейкоб быстро спустил наследство, им и на свечи не всегда хватало. Энджел бессильно стискивала зубы – ее мать и дядя столько трудились, и ради чего? Ради лицемерного увальня, который и братом ее считался только по церковным бумагам. На деле же в их жилах не текло ни капли родственной крови.

– Смотри! – скомандовал меж тем мисс Пэри. – Берешь светильник вот так... снимаешь крышку, достаёшь отрабо-

таннный амулет... Следи, чтобы пазы совпадали и метка всегда смотрела вверх, иначе не работает...

Женщина ловко справилась с настольной лампой в виде морской нимфы, держащей луну, а в завершении легко стукнула по ночному светилу.

– Ох! – только и могла произнести Энджел, наблюдая, как разгорается шарик. Воистину чудо!

– Теперь твоя очередь.

Оглянувшись, девушка подошла к столу у окна. Взяла дракона с кристаллом в зубастой пасти и, осмотрев его очень внимательно, подцепила ногтем одну из чешуек на животе. Мисс Пэри одобрительно хмыкнула.

Вот со светлячком было труднее. Амулет крепко сидел в убежище, пришлось изрядно попотеть, чтобы суметь его вытащить. С коротким щелчком на место отработанной пластины встала новая. Энджел тихонько прикоснулась к кристаллу – выглядит так хрупко! Но хрусталь не рассыпался на части, наоборот – в его глубине вспыхнули мерцающие искры, быстро превратившиеся в свет.

– Очень хорошо, Энджел, – похвалила мисс Пэри. – Дальше – сама. И кстати – за испорченные вещи платишь из своего кармана. Дракон стоит пятьдесят золотых.

Пятьдесят! У нее затряслись руки, а довольная собой мисс Пэри удалилась прочь, оставляя ее один на один с ужасно дорогими лампами.

Но делать нечего... Надо! А может, стоит потренироваться

на чем-то попроще? Вот на стенах – вроде бы просто свечи, даже без завитушек. Где там стремянка...

Искомое нашлось спустя минут пятнадцать упорных поисков. И да, тут светлячки менялись куда легче! Через три успешно обслуженных лампы Энджел чувствовала себя гораздо увереннее. Даже губы кусать перестала. И смогла как следует оглядеться.

Роскошное место! Два этажа, паркет выложен хитрым узором, есть и мягкие диванчики, и ниши, где можно спрятаться от всего на свете. И, конечно же, книги. Много-много! Большие и маленькие, старые и блестявшие переплётками... Наверняка герцог любит читать. Ах, ну почему она не закончила школу?

Но стоило вспомнить попытку обучения, все настроение пропало... Как-то раз мама отправила подростковую Энджел на занятия в ближайшую церковную школу. Их семья достаточно обжилась на новом месте, появились сбережения – уже не приходилось считать гроши. Несколько серебряных монет не опустошили бы карман. И первый год прошел очень даже хорошо, несмотря на то, что получалось заниматься лишь дважды в неделю. Но на следующий год в их класс пришел другой учитель, обещавший новые знания...

По коже пробежался озноб. Да уж, знания оказались воистину новые! После одного из занятий Энджел наотрез отказалась учиться... Но долой скверные воспоминания!

Закрепив очередного светлячка, она прикоснулась к шнуру свечки, проверяя, все ли хорошо. Светильник засиял мягким золотым светом. Чудесно! А это что?

Взгляд запнулся за книгу, торчавшую больше прочих, словно ее задвинули не до конца. На обложке – прекрасная картинка: юная девушка, закутанная в белоснежную ткань, сидит у воды, а рядом склонился одетый в странную короткую юбку мужчина. А внизу надпись на незнакомом языке.

Она оглянулась. В библиотеке пусто... И рука сама потянулась к книге. Наверное, там есть картинки! Ничего ведь не случится, если она посмотрит немного...

Потянув за корешок, Энджел схватила добычу. Да, картинки были! Такие красочные и непонятные! Девушка-дерево и рядом печальный златокудрый мужчина, силач, что боролся с огромным львом, страдалец, прикованный к скале*... А какие буквы! Каждая – творение самого Создателя. Такие завитушки и росчерки... Восхитительно!

Энджел во все глаза разглядывала чудесную книгу. Пальцы подрагивали от восторга и дыхание сбивалось. Но было немного обидно. Среди букв прятались волшебные истории, а у нее нет знаний, чтобы их прочесть... Вот если бы родной язык – тогда бы она сумела.

Вдруг сердце тревожно стукнуло. Вниманием еще владели нежные краски, но пальцы замерли, так и не перевернув страницу. И по спине пробежал холодок...

– Не отвлекайся, будь любезна. Представь, что меня здесь

нет.

Вскрикнув, Энджел дернулась. С громким стуком книга приземлилась на пол, и она сама чуть не упала следом. Но опора под ногами так же резко стала устойчивой.

Стремянку держал герцог.

«На первый взгляд – аккуратна и сдержана, мой герцог»

У Саммерса глаз наметан, Дэвид поклясться мог – за завтраком мужчина следил за каждым вздохом девчонки. Но, черт возьми, о какой аккуратности может идти речь, если у новой горничной дырявые руки?! Уронить одну из его любимых книг! Его первую работу!

Вцепившись в поручень стремянки, девчонка смотрела на него круглыми от шока глазами. Вся побледнела, губы прикушены до крови...

Густая волна жара толкнулась в пах, и линии татуировок кольнуло крохотными молниями.

– Подними книгу.

Моментально исполнила. Соскользнула вниз с изящной неловкостью и почти упала на колени... так близко от его ног.

Тонкие пальцы подхватили книгу.

– Посмотри на меня.

Робкий взгляд вверх, и последние иллюзии рассыпались прахом, освобождая жадное «Хочу». Черт возьми, это слишком роскошно – испуганная белокурая малышка, так по-

слушно выполняющая его приказы. Без упрямого взгляда и раздражающих возражений. А руки помнят, какая она лёгкая... Ничего не стоит схватить девчонку и бросить на ближайший диван. Разодрать в лоскуты платье, оставляя юную мисс обнажённую и беззащитную. Скрутить так, чтобы шевельнуться не могла, и вклиниться в девственную плоть, клеймя Ангела собой.

Вспыхнувшая перед глазами картинка обожгла сознание. Пришлось сжать кулаки, отгоняя настырное желание. Больше никаких связей с прислугой! Пусть этим балуются в других домах, ему же за глаза хватило и одного «развлечения».

– Простите, господин...

Девушка поднялась на ноги, с поклоном отдавая ему книгу. А кисти как у аристократки! Да, с обломанными под корень ногтями и загрубевшими от работы пальцами, но сама форма! Несколько процедур у мастериц из «Алой ночи» – и к ногам ангелочка швырнут мешки золота, выкупая девичью невинность. Он бы поучаствовал в торгах... Проклятье, что за идиотские мысли?! Эта хилячка не выдержит и двух ударов тростью.

Дэвид хмуро оглядел склонившуюся перед ним девушку. По всем правилам надо бы выставить неумеху за дверь. Каждая горничная выбиралась из двух десятков претенденток. Но магия колючими толчками бесилась в венах, протестуя доводам разума. Возможно, он слишком строг? Если смотреть объективно – ничего дурного не случилось. Книга цела

и не помята, да и экономка расщедрилась на скупую похвалу...

– Пока мне нечем упрекнуть Энджел, господин де Сармунд. Слегка пуглива разве что, но ведь и освоиться нужно время.

Пуглива – не то слово. Не такого он ждал от трущобной девчонки. Там нервным барышням не место.

– Без разрешения вещи не трогать, – поставил книгу обратно на полку.

Девушка проследила за его движением, и бледные скулы слегка порозовели, добавляя и без того очаровательному личику совершенной прелести.

– Что такое?

Девушка вспыхнула ещё сильнее.

– Ничего, господин...

– Отвечай!

– Вы... Вы так легко... Без стремянки... книгу поставили... Простите, господин! – выпалила и совсем сникла, комкая в руках серенький передник.

Напряжение, довлевшее над ним после чашечки чая, приправленного королевскими наставлениями, резко пошло на убыль.

Дэвид давно привык к женскому восхищению, искреннему или нет – всего было в достатке, но обращать внимание на такую безделицу... И двух суток не прошло, а маленькая горничная удивила его по крайней мере трижды.

– От кого ты убежала?

Румянец резко схлынул.

– От моего брата, Джейкоба Нилла. Сводного брата, – поправились тут же, словно предугадывая уточняющий вопрос.

– Почему?

– Он хотел меня... ммм... выдать замуж. В уплату долгов.

Не редкость в трущобах. Только девушек не держали до девятнадцати лет. Отдавали ещё девочками, и часто за мужчин втрое старше.

– Почему не отдал раньше?

Энджел опять прикусила губу. Облегчение, что герцог не стал злиться, растаяло весенним снегом. Ответ был прост, и безумно труден. И она точно знала, что стоит начать говорить, как из глаз хлынут слезы, а расплакаться перед мужчиной казалось ужасно стыдным. Она и так выставила себя душой. В который раз. Но объяснять про траур из-за смерти мамы и дяди Ральфа... Может, Джейкоб и продал бы ее раньше, но был слишком занят грызней за наследство и образом «любящего» родственника. Да и его мамаша сдерживала притязания сына. До поры до времени.

– Не знаю, господин...

– Я не терплю лжи!

В бархатной глубине звякнула сталь. О, Создатель... Герцог мог бы вести за собой армию, его приказов невозможно послушаться!

– Пожалуйста, мой герцог... Был траур... Нет, мне...

Слишком трудно.

От давящего взгляда слабели коленки и сохло в горле. А стоило робко взглянуть в черные омуты... В это же мгновение Энджел готова была рассказать все, вплоть до самых потаённых секретов. Но герцог вдруг развернулся и пошел к выходу.

– Заканчивай свою работу, – бросил напоследок. – И помни про вещи.

**Эмма – популярное имя для прислуги женского пола (для мужчин – Джеймс или Джон). Им пользовались аристократы, поскольку не считали значимым запоминать настоящие имена работников.*

** – за основу иллюстраций книги взяты сюжеты мифов Древней Греции.*

Глава 5

Пушистая перьевая метёлка бодро гуляла по лакированным полочкам и другим поверхностям. Энджел тщательно наводила чистоту в одной из многочисленных комнат особняка.

Мисс Пэри пока давала ей лёгкую работу – избавиться от пыли, аккуратно сложить белье – все в таком духе.

– Доктор велел не нагружать первые десять дней, – обмолвилась экономка, – для нормальной работы ты ещё не годишься.

Энджел не спорила – учёному человеку лучше знать. И все же ее самочувствие было куда бодрее, чем пять дней назад.

Хорошая еда и здоровый сон – ему не могла помешать даже кухарка Лотти со своим храпом – быстро сделали свое дело.

Соскочив с небольшой подставочки, Энджел легко ее подхватила, и перенесла к следующим полкам. С ее ростом не очень-то достанешь до верхних... А вот герцог справился бы без усилий...

Жгучая краска бросилась в лицо при одном лишь воспоминании, как легко мужчина поставил книгу на место. Такой высокий! Она ему в грудь смотрит... Энджел сердито тряхнула головой, от чего белокурый локон упал на глаза – при-

шлось поправлять.

Несколько дней, что она обживалась тут, были заняты новыми впечатлениями и... воспоминаниями. Стоило отвлечься, как перед глазами возникало строгое лицо ее хозяйина, и сердце начинало ворочаться тяжело и тревожно. А сегодня мужчина снился ей! Просто стоял и смотрел, постукивая тростью по паркету, а она сидела у его ног и никак не могла поднять книгу, ставшую вдруг невероятно тяжёлой. От волнения вся взмокла, а в груди теснилось неясное предвкушение. Казалось вот-вот мужчина схватит ее, отдирая от пола, а потом...

– Привет, хмм... Энджел, кажется?

Чуть не смахнув с пылью и несколько статуэток, Энджел обернулась. Вильям, тот самый молодой парень с ясными глазами и открытым лицом, стоял в дверях.

– Вы верно запомнили, – отозвалась, разглядывая неожиданного собеседника. Хорош собой! Статный и тоже высокий. Но герцог... Энджел чуть прикусила губы, отгоняя ненужные мысли. А в груди опять трепыхался неугомонный барабанщик, и щекам стало немного жарко.

– Я – Вильям Джонс, – представился молодой человек.

– Очень приятно.

– А ты миленькая...

Энджел растерялась, не совсем понимая, как реагировать на подобные слова. Ее награждали комплиментами куда жёстче и грубее, но и говорившие не блистали манерами.

Вильям вдруг задорно улыбнулся.

– ... Эй, не смотри такой букой! Просто я удивлен. Герцог де Сармунд не любит посторонних в своем доме. И прислугу редко меняет, особенно на молодых девушек.

– Почему? – не смогла удержаться от вопроса. Такой красивый мужчина, да служанки бы... Тут пришлось опять кусать губы. Подобное поведение лишь делает герцогу честь. Наверняка он не из тех негодяев аристократов, что не дают прохода бедным служанкам.

– Не знаю, – беспечно отозвался Вильям. – Наверное, не хочет обидеть своих невест.

Пальцы дрогнули, стискивая ручку метёлки. Энджел облизнула пересохшие губы, с трудом проглатывая горькую слюну. Невесты... Да, конечно. У него есть... должны быть...

– Невесты? – прошептала, силясь сделать новый вдох.

– Ну да. У герцога их три. Ты что, не знаешь? Он не может выбрать первую приглянувшуюся аристократку. Каждая девица проходит проверку Артефактрумом, чтобы определить способность выносить дитя с темным Даром. Создатель и король оказались благосклонны к герцогу – целых три претендентки! У остальных девушек скромные или средние результаты. Шансов, что одаренный ребенок будет рожден, куда меньше. Вот как в случае с отцом герцога. Но, говорят, тот не слишком расстроился. Свою жену уважал... – произнес задумчиво. – А я зачем пришел-то... Помоги с одним

делом. Пять минут, не больше. Надо пару тряпок и ведро найти. Думал, у тебя тут есть, а оказалось – нет.

– Они в кладовой...

– Принеси, пожалуйста! У тебя, верно, ключ имеется, а мне мисс Пэри не выдала. Не по моей это части.

Энджел казалось, что она движется сквозь толщу воды. Колючей и холодной.

Одно единственное слово – и она вновь будто умирает от больной слабости. Конечно, у герцога есть невесты! Ему же... А сколько ему? Не меньше тридцати пяти, но неважно. Она просто обслуга, которой оказали милость, вот и все. Нельзя забывать! И думать лишнего нельзя. Но почему-то в груди болит и колется.

Отчаянно пытаясь оправдать себя, Энджел спустилась на первый этаж, к кладовой. Ведра и тряпки... Вот ее удел. И нужно благодарить Создателя, что герцог вообще обратил на нее внимание, а не швырнул в руки негодяя Джейкоба.

Подхватив нужное, она отправилась обратно. Только вместо Вильяма ее встречала мисс Пэри.

– Я велела тебе аккуратно сложить белье! – серые глаза сверкали яростью. – Неблагодарная девчонка! Бездельничать вздумала?!

Энджел испуганно глянула в сторону шкафа. На полках, где ещё недавно все лежало ровно, сейчас царил ужасный беспорядок.

– Герцог узнает о твоей лени и вышвырнет на улицу, где

тебе самое место!

– Но я...

– Молчи! – обрубил мисс Пэри. – И принимайся за работу. А уж я позабочусь, чтобы она была последней в этом доме.

Наградив ее ещё одним яростным взглядом, женщина ушла, а Энджел без сил упала на ближайший стул, до крови кусая губы. Вот и закончилась милость Создателя. По глупости доверчивой идиотки...

Крохотная магическая искорка тлела в лампе, разгоняя ночной полумрак. Под храп кухарки Лотти Энджел ворочалась с боку на бок, бесполезно пытаюсь успокоиться и заснуть.

Но ни теплые стенки, ни плотное одеяло не могли унять холодную дрожь, вязавшую внутренности в ледяные узлы. Невозможно ни есть, ни пить, и тягостное ожидание свивало нервы в натянутые до звона струны, дрожавшие от каждого вдоха.

Ее выгонят! Обязательно выгонят вот прямо завтра утром! Герцог посмотрит на нее с презрением и укажет на дверь...

Живот крутило от голода. За обедом и ужином она не могла заставить себя съесть и кусочка хлеба. Только пила, мучимая невыносимой жаждой. Мисс Пэри все так же хмурилась, а подлец Вильям делал вид, что ничего не понимает. Но Эн-

джел была уверена – это он испортил работу! Ведь никого больше не было рядом. Но за что? Она же ничем ему не вредила, и даже слова грубого не сказала! Хотелось вскочить на ноги и криком заявить о своей невинности, но экономку не интересовали «дрязги» – Энджел помнила.

Не выдержав, девушка села, кутаясь в теплую ткань. Из окон сочилась глухая тьма ночи, пробираясь в самую душу. И палец опять болел... Кольцо давило так, что кровь толчками стучала под ногтем.

Надо попытаться его снять! Дурной кусок железа! Или это у нее опухли руки? Но попытки, как и прежде, закончились провалом. Надо найти мыло! И заодно посетить уборную – в особняке герцога не пользовались горшками.

Накинув платье, Энджел кое-как собрала волосы и, ещё раз оглянувшись на спящую Лотти, выскользнула за дверь.

В коридоре было пустынно и тихо. Ровно тлели магические лампы, едва разгоняя густой сумрак. Собственные шаги и шорох платья казались невыносимым грохотом, но Энджел упрямо шла вперед. Хуже уже не будет! Ее все равно ждет улица – мисс Пэри наверняка уже сообщила герцогу.

Уборная находилась на первом этаже. Немного подумав, девушка решила воспользоваться главной лестницей, чтобы добраться быстрее. В доме сейчас все спят. И делать лишний крюк у не было ни сил, ни желания.

Но стоило коридору закончиться, Энджел горько пожалела о своем решении. Внизу в холле сидел герцог. Затаив ды-

хание, она отшатнулась.

– Стоять.

Короткий приказ стрелой пригвоздил к полу.

– Иди сюда.

И ноги послушно сделали шаг вперед.

Опять она. Стоит в двух шагах, комкая платье, и старательно разглядывает пол.

В несколько глотков расправившись с виски, Дэвид поставил хрустальный бокал на столик.

Младшей прислуге запрещено пользоваться главными лестницами. Возможно в исключительных случаях – во время пожара или ограбления, но не в повседневной жизни. Девчонка это знает. И знает, что напортачила. А он секунда за секундой оттягивает момент наказания, потому что виноватая мордашка Ангела... Черт возьми, это нечто! И еще одна безрезультатная ночь уже не кажется такой паршивой. Сегодня утром, скорее всего, обнаружат труп очередной женщины*. Изувеченный до неузнаваемости и брошенный где-нибудь на видном месте. В насмешку над всеми усилиями короля и его – герцога де Сармунда, который же две недели таскается по трущобам Лонтора. Но желание убивать сгорело синим пламенем, стоило легким ножкам пересчитать все ступени.

Пять дней он не видел девчонку. И пять ночей навещал «Алые Ночи», пытаясь обуздать взбесившиеся фантазии. Но

умелые ласки любовниц и даже самые жесткие игры с Роззи не снимали напряжение. Маленькая белокурая горничная в ногах и без одежды – вот чего хотелось до стиснутых зубов.

Магия кипела под кожей разогретая алкоголем и бестолковой ночью, требовала новую жертву. Чистую, неопытную, неиспробованную никем. А он очень любил быть первым... и ничего не мешает взять желаемое прямо сейчас. Отыметь в самой разнузданной позе, но Дэвид продолжал мучить девочку лишь взглядом...

Ангел тихо вздыхал. Белые перышки поникли, и личико самое жалобное. Милая, очень милая девочка. Засевшая у него под черепом, да так, что не вытянешь!

– Тебе не объяснили правила этого дома?

Девчонка вздрогнула.

– Объяснили, господин.

– Так в чем проблема?

– В том, что я Вас обманула, господин...

Однако! Дэвид сел удобнее. Пальцы привычно приласкали серебряный набалдашник трости, оглаживая литые узоры из листьев и лоз. Ангел опять вздохнула, верно толкуя его молчание.

– ... Я вас обманула, что старательная. Это совсем не так. Потому что иначе не допускала бы ошибок...

Черт, это уже слишком! Ее тихое «господин» и абсолютная покорность заводили хлеще ласк опытных куртизанок. В штанах все твердо, и татуировки горят ледяным огнем, про-

стреливая вспышками взбесившейся силы.

– Простите меня, господин, – добавила совсем тихо. – Умоляю, дайте мне шанс...

Кроткий взгляд из-под черных ресниц обжег ударом огненного хлыста, ломая последние запреты, что еще держались после отвратительной ночи и графина крепкого виски. Какого черта?! Эта девчонка должна ему! Да любая другая уже давно стаскивала бы с себя платье, спеша отблагодарить всеми способами. Так почему бы и нет?

Пальцы стискивали трость, а во рту стоял горьковатый привкус алкоголя.

– За обман полагается наказание.

– Уволите? – шепнула едва слышно.

– Выпорю.

** – отсылка к серийному убийце по прозвищу «Джеку Потрошитель». Его жертвами были проститутки из трущоб. Но в данной истории жертвы – любые девушки, а не только легкого поведения.*

Глава 6

На дрожащих ногах Энджел следовала за герцогом. Де Сармунд шагал твердо и уверенно, а ее вело, словно виски пила она, а не мужчина.

«Выпорю... Выпорю...» – стучало в голове.

Ее никогда не наказывали! Ни мама, ни дядя Ральф! Бил только Джейкоб, и Энджел на всю жизнь запомнила то ощущение бессильной ярости, когда ты просто не в состоянии защититься, сколько бы ни пыталась. Только новые оплеухи и брань – вот все, что она получила за попытку ответить.

И теперь герцог хочет бить ее! Ну конечно, в домах наказывали прислугу, она знала. И мисс Пэри говорила. Наверняка ударит тростью. Энджел почти слышала свист и чувствовала разъедавшую кожу боль.

А ведь он и совсем убить может... Забить до смерти! Герцог пил – Энджел видела пустой графин на столике. И пусть мужчину не шатало, это ничего не значило! От ужаса потемнело в глазах, но она переставляла ноги, повинуюсь короткому «Идем».

Палач вел ее на третий этаж. Туда, где располагались хозяйские и гостевые комнаты. Куда однажды привела ее мисс Пэри, а теперь и сам хозяин. Ну зачем она высунулась из комнаты! Дурацкое кольцо! В прошлый раз оно спасло ей жизнь, даровав возможность узнать о скоропостижной же-

нитьбе, о которой ее не спросили, а в этот раз решило требовать плату...

У дверей Энджел замешкалась. Бросало то в жар то в холод, но один взгляд черных глаз – и она безропотно переступила порог клетки. Щелкнул замок, и пришлось схватиться за стену, чтобы не упасть.

Острая боль билась в груди, раскачивая мир вокруг. Наполняла его ало-черными вспышками и выстуживала кровь. Наверное, это темная магия. Проклятый Дар, разрушающий саму душу...

Длинные пальцы обхватили подбородок. А у смерти горячие руки...

– Успокойся.

Одно слово – и слабость исчезла, прихватив с собой дрожь.

– Убьете? – выдохнула, не отводя взгляда.

В глубине черных глаз мелькнуло и пропало что-то очень странное. Не опасное, но ужасно пугающее... Или манящее? Энджел не успела разобраться. Потому что в следующий миг герцог склонился, и прижался к ее рту своим.

И давить не пришлось. Сама ротик открыла, без сопротивления отдавая свой первый поцелуй.

Прижать бы ее, беспомощную, к стене. Коленом раздвинуть ноги и взять то, что может взять по праву. Татуировки превратились в ледяных жалящих змей, под завязку запол-

ненных силой. Сладкая девочка! Запах чайной розы дразнил обоняние, а страх и покорность – Дар.

Вдоволь наигравшись, оторвался от мягких губ, обводя истерзанный укусами рот большим пальцем. Ангел больше не дрожала. Смотрела на него, широко распахнув глаза, а на щеках атели пятна румянца.

Резко шагнув прочь, прошел к софе, и сел, даже не пытаюсь прятать напрягшуюся плоть.

– Иди сюда.

Поколебавшись, девушка осторожно приблизилась, то и дело поглядывая на трость. Нет, не сегодня. Возможно, вообще никогда. Если его, наконец-то, отпустит после небольшой игры.

Перехватив взвизгнувшую служанку за талию, швырнул к себе на колени, задирая подол.

– Господин!

– Молчать!

И девчонка послушно заткнулась.

Проклятье, а под юбкой она очень даже неплоха! Стройные ноги, стиснутые так трогательно и бесполезно, нет лишних волос. Чудно! Но эти ужасные панталоны... Впрочем, плевать!

Девчонка вздрогнула, тихо поскуливая, когда Дэвид медленно огладил торчашую вверх попку. Подцепив краешек, одним движением сдернул белье, едва успев перехватить заюлившую жертву.

– Еще одно движение, получишь не ладонью, а тростью.

Замерла. Ушки все красные, и даже шея в румянце, а у него между ног пожар.

Серая ткань прятала сокровище! Две задорные упругие дольки, нежная кожа которых так и просила оставить на ней красный отпечаток.

– Считай до ... – Десяти? – До пятнадцати.

– Отпустите... Ай!

Звонкий шлепок – и в венах всколыхнулась лава. Маленькая упрямица! Придется учить!

– Повторяй – один.

– Нет!...

Шлеп.

– ...Одииин!

Наградой стало нежное поглаживание. Девочка тихонько всхлипывала, а на бархатной коже розовели едва заметные следы. Только успокоилась – новый удар не заставил себя ждать.

Через десять минут ягодицы пылали. А его наизнанку выворачивало от возбуждения, и мрак клубился по углам комнаты, чувствуя кипевшие в венах силы. Проклятье! Он просто не выдержит! Сбросит девчонку с колен и трахнет прямо на полу. Но ладонь медленно ласкала пострадавшие округлости, оставляя за собой прохладную дымку магии.

Громкие всхлипы быстро затихли. Сквозь грохот крови в ушах пробился звук порывистого вздоха. И пусть его сожрет

Тьма, но в нем не звучало боли! Да неужели?!

Пальцы нырнули в тесную ложбинку.

– Нет! – взвилась малышка, но крепкая хватка за талию лишила ее возможности бегства.

Мягкий шелк волосков сменился нежностью девственной плоти. Бесцеремонно и уверенно раздвинув складочки, Дэвид надавил на плотный комочек, в котором таилось женское наслаждение.

Девочка что-то забормотала, но он даже не пытался вслушаться. Несколько четких движений – и Дэвид сам давился стоном, ощущая первую каплю влаги. Да! То, что ему нужно! Чувственная! Настоящий Ангел, распластанный на его коленях.

Служанка задышала тяжелее и чаще. Стиснутые бедра слегка расслабились, потом еще, и еще. Движения становились резче и нетерпеливее. Давай же девочка. Он и сам уже на пределе, но просто обязан услышать самый сладкий звук – стон поражения в борьбе с удовольствием.

Еще несколько движений – и девушка содрогнулась, шире разводя ноги. Плоть вокруг его пальцев сжалась, и сока стало больше, а потом Дэвид услышал то, чего так безумно хотел.

– А-а-ах!

Крупная судорога выгнула стройное тело, и бедра сами дернулись навстречу его пальцам. Нет, хватит! Терпение разлетелось вдребезги, как хрустальный бокал.

Перехватив девчонку, усадил себе на колени и в два сче-

та расправился с пуговицами на штанах, просто срывая их к черту, и выпуская нывшую от желания плоть. Поймал девичью ладонь и накрыл ею член, заставляя сжать.

– Работай, – прохрипел, задавая нужный темп.

Все еще вздрагивая, малышка послушно повторила движение, и его накрыло. Тьма рванула со всех углов, просачиваясь под кожу и наполняя концентрированным удовольствием. Долгая и острая разрядка вышибла воздух из легких, заменяя его на головокружительный аромат чайной розы.

Кончик языка покалывало от фантомной сладости, перед глазами плыло, а семя толчками выплескивалось на девичьи руки и платье.

Магия урчала и ластилась сытым хищником, разгоняя по татуировкам блаженное тепло. Черт, как же хорошо! Нет, не просто хорошо – идеально!

Девушка дернулась, и Дэвид не стал ее удерживать. Служанка стрелой кинулась к дверям, но, натолкнувшись на плотную завесу тьмы, вскрикнула и отшатнулась.

– Уходить без разрешения господина – запрещено.

Заправившись, Дэвид поднялся. Куда собралась, малышка? Шанс закончить это маленькое приключение ангелочек потеряла ровно в тот момент, когда так сладко кончила.

Девчонка хотела было убрать взлохмаченные волосы с лица, но, ойкнув, тут же опустила руки – почувствовала капли семени.

– М-м-можно идти, гос... господин? Пожалуйста...

Голосок ломался и дрожал.

– Ты уйдешь. Но вернешься завтра.

– Но... но... Не надо! Ваши невесты...

Черт, уже знает об этих пустышках! Не важно.

– Это тебя не касается! Впрочем... – приблизился почти вплотную, разглядывая румяную и растрепанную девочку. – Даю неделю. У меня нет привычки силой держать слуг. Захочешь обратно в свои трущобы – проваливай. А нет... – перехватив узкое плечо, развернул спиной и ткнул пальцем между напряженных лопаток, посылая легкий импульс, – вот мой знак. И когда почувствуешь холод – чтобы через пять минут была здесь, и меня не интересует, чем ты занимаешься в данный момент. Ясно?

Опять развернул к себе, прихватывая узкий подбородок и заставляя смотреть в глаза.

– Тебе. Ясно?

– Да, господин...

– Чудно. Спокойной ночи.

Тьма рассеялась, и горничная исчезла в дверях. А ему неплохо бы и поработать. Усталость и дурное настроение растаяли, оставляя кипящую жажду деятельности.

Глава 7

– Мисс Пэри, можно вас на минутку?

После завтрака, когда все ушли, Энджел нарочно подкараулила экономку. Нахмурившись, женщина все-таки остановилась.

– Чего тебе?

Энджел прикусила и без того истерзанные губы. Искусанные, но не только ей... Стыд, подпитанный извращенным томлением, заставил стиснуть пальцы. Это все сон... Кошмар, порочный и... сладкий.

– Где можно найти работу? – выпалила на одном дыхании.

Широкие брови экономки взлетели к самому чепцу.

– Работу?

– Да, мисс Пэри. Может, Вы слышали, а я... мне...

Ей лучше бежать. Очень быстро. И забыть все, что произошло. Леденящий душу страх, жгучий стыд и... удовольствие. Наслаждение мужской лаской, которое она просто не должна была получить! Но получила. Потом провалялась остаток ночи без сна, вновь переживая произошедшее. И сидеть до сих пор больно... Кожа печется и щиплет, не давая забыть, как она лежала на мужских коленях со спущенными панталонами... Герцог все видел! Смотрел прямо на нее! От стыда на глаза навернулись слезы.

– Никуда ты не пойдешь, – резко возразила мисс Пэри. –

И не смотри так жалобно! Я ничего не сказала господину де Сармунду.

– То есть... То есть как это? Не сказали?!

Но она же была уверена! Вот прямо ни капельки не сомневалась, что экономка еще вечером доложила герцогу, до того как он ушел. Потому и распиналась тогда, ночью. И что, выходит – зря?!

– Не сказала, – фыркнула женщина. – Потому что беспорядок навела не ты.

Голова, тяжелая после бессонной ночи, совсем разболелась.

– Учись отстаивать свою правоту, деточка, – назидательно проговорила мисс Пэри. – Не верю, что ты выросла в грязи трущоб, скорее уж в монастыре...

Не росла она в трущобах! В рабочем квартале жила, до смерти мамы и дяди Ральфа.

Тем временем женщина вздохнула, складывая полные руки на груди.

– ... А я тоже хороша. Надо было сказать вчера. Вот же... От твоих глаз и бездушный заплачет. Хватит губы дуть! Спасибо мне потом скажешь. Не отраслишь зубов – готовься быть съеденной.

– Но я ничего не делала Вильяму!

Женщина только покачала головой.

– Дам первый и последний совет. Держись подальше от Клэр и Вильяма. Уж они тебе точно не друзья. И про другую

работу забудь. Без рекомендаций тебя не возьмут. А теперь иди и постарайся больше не портачить.

И, развернувшись, женщина исчезла, оставляя Энджел совершенно растерянной. Значит, герцог ничего не знал... А она... Она – последняя дура! Могла бы просто остаться в комнате, и ничего бы не случилось!

Внизу живота скрутился теплый комочек, и девушка крепко зажмурилась, пытаясь вернуть себе хоть крупицу самообладания. А между лопаток будто занемело... Вчера она попыталась рассмотреть в зеркале метку. Ничего не нашла! Но под кожей словно чувствовалось нечто... странное. Не так как прежде.

А делать все же что-то надо. Иначе через неделю... Энджел судорожно вытерла ладони о подол, будто на них еще оставались белесые и немного липкие капли. Она прекрасно понимала, к чему прикасалась, сидя на мужских коленях. Пусть до сих пор невинна, но как устроен мужчина между ног, имела «счастье» наблюдать. Но тогда ей было мерзко и страшно, а вчера, когда в ладонь легла бархатная плоть... Такая большая и горячая...

В горле пересохло. И жгучая помесь смущения и сладкого ожидания хмелем ударила в голову. Ей надо искать другое место. Даже без рекомендаций.

– С детьми обращаться умеете? – голос госпожи Мэвис был безжизненным и серым. Энджел решила бы, что перед

ней – очень искусный голем, но нет – женщина дышала.

– Только если ребенку от трех лет, – осторожно ответила Энджел.

Ей доводилось в ранней юности нянчиться время от времени с соседскими детьми. Пока дядя Ральф не женился, и в доме не появилась красивая, но ядовитая Тина – мать Джейкоба. Дядя Ральф помешался на супруге, а матушка терпела змею, что при муже строила из себя горлицу.

– Нико восемь. Однако в обязанности няни входит купание, кормление, смена гардероба, естественно, а так же развлечения. Мой мальчик не должен скучать. Перед сном обязательно чтение сказки. В том числе и на фратлийском языке. А, вот и Нико! Познакомьтесь.

В комнату внесли... собаку?! Дворецкий держал бархатную подушечку, на которой разлегся упитанный шпиц. Это он – ребенок? О, Создатель...

– Простите, я не обучена... фратлийскому, – упавшим голосом призналась Энджел, разглядывая скучающего пса. – Может, у Вас есть другая работа?

Читала она более-менее и писала сносно. Но только на родном языке, а иностранные так и остались не изучены. И зачем собаке сказки?

– До свидания.

Вот и все.

Энджел молча поклонилась и направилась к двери. Это было пятое место, где она пробовала искать работу. Выходи-

ло из рук вон плохо.

Мало того, что надо было дожидаться выходного, так еще и решиться зайти в богатый особняк, где на нее даже прислуга смотрела, как на мусор.

В первом доме не пустили дальше порога – дворецкий холодно сообщил, что работников они не ищут, приходите позже. То есть никогда – именно этот смысл прятался в скупых словах. Во втором встретили уже теплее... Она едва унесла ноги!

Слуга проводил ее к хозяину – низкорослому и плотному мужчине с масляным взглядом. Сомнения закрались сразу же после очень поспешного согласия дать ей работу. И, скорее всего, ее спасло то, что хватило мозгов упомянуть нынешнего работодателя. Мужчина заметно побледнел, но выразил сомнение. Пришлось достать единственную рекомендацию – пуговицу, которую она захватила с собой на всякий случай. Мужчина в миг отпустил ее «собираться», напомнив, что ждет новую работницу сегодня же.

Как бы ни так! Энджел бежала прочь не оглядываясь. В следующий раз она поступала умнее, спрашивая, может ли ее принять хозяйка. В двух домах опять отказали, да и тут ничего не получилось...

Собака! Да и ладно, хоть лысая мышь! О, если бы только у нее были знания! А возвращаться обратно к Джейкобу... Нет, невысказано! Лучше герцог... Прикусив губу, Энджел оглянулась по сторонам. Сгущались сумерки и ветер

уже такой холодный, а на ее плечах тонкий плащ, что выделила мисс Пэри.

Экономка совсем ничего не сказала, когда Энджел все-таки подошла и выразила желание искать работу. Наградила только своим фирменным взглядом, но выдала верхнюю одежду и посоветовала, с чего начать.

Но вот уже вечер, а дело так и не сдвинулось с мертвой точки. А ведь это ее единственный выходной! Энджел ждала его долгих четыре дня, умирая от осознания, что время проходит даром.

Но рабочий день длился с утра и до вечера, а на ее просьбу дать хотя бы два часа в обед мисс Пэри ответила отказом. Но разве ей сложно? А может, запретил герцог?!

Кутаясь в плащ, Энджел спешила к особняку де Сармунда. Ее никто не держал, да, и все же горло стискивал ошейник. А из сердца никак не вытравить крохотное, но настырное желание махнуть на все рукой. Она же просто служанка! И все равно ничего не сможет сделать. А герцог такой красивый... И тело слишком ярко помнит о полученном удовольствии. Лучше бы его не было...

– Привет, сестренка.

Мерзкий голос ударил в спину отравленной стрелой. Джейкоб! Резко обернувшись, Энджел едва заставила себя остановиться, а не броситься бежать. Спокойно. Вокруг еще есть люди. А вон там виден патруль полицейских. Ей нечего бояться! Но коленки все равно дрожали.

Мужчина стоял напротив. В неожиданно опрятной одежде, на лице не было привычной одутловатости, и даже темные волосы аккуратно расчесаны и вымыты. Только все равно хочется скривиться и плеснуть в это пятно грязи водой.

– ...все-таки пристроилась, да? – злобная ухмылка исказила полные губы. – Сразу дала или сначала вшей вывела?

– По себе судишь?

Зеленые глаза полыхнули яростью. Бессильно сжимая кулаки, Джейкоб шагнул к ней, но Энджел быстро отступила.

– Закричу. Тут не трущобы. И герцог де Сармунд вытащит из тебя душу по частям.

– Сука... – прошипел подлец, – но ничего... скоро ты надоешь уважаемому господину, и он пинком отправит тебя за дверь. А я буду ждать. И не побрезгую, уж поверь. Ах, да... раз уж твоя комната освободилась, выкину оттуда все барахло.

Вещи ее матери! И дяди Ральфа! Она так и не забрала их...

– Только попробуй! Может, меня и уволят, но прежде я успею пожаловаться герцогу.

– Смотрю, у тебя развязался язык? Помнится, ты была такой же забитой, как твоя потаскуха-матушка...

– Она хотя бы родила меня от любимого и по доброй воле!

Развернувшись, Энджел поспешила прочь. И если еще полчаса назад душу грела хоть какая-то надежда, то сейчас она потухла совершенно. Нет, у нее просто не получится уй-

ти в никуда! Несколько минут рядом с Джейкобом – и словно опять выкупалась в грязи. Только в доме герцога она под защитой... Пусть опасность там не меньше.

Завернув за угол, Энджел позволила себе ускорить шаг, хотя до входа в особняк оставалось совсем немного. Теперь и звонить не надо – артефакт, встроенный в замок, запомнил ее и пропустил. В саду, окружавшем особняк стало совсем сумеречно. В голых кронах шумел ветер, а окна особняка светлели теплым золотым светом.

Но не успела зайти в комнату и повесить плащ на крючок, как между лопаток обожгло лютым холодом.

Сердце глухо стукнуло и провалилось куда-то в пятки.

Ее звал герцог.

Глава 8

Ей надо идти. Не подчиниться нельзя, и метка полыхает ледяным огнем, выжигая саму душу. Ноги тряслись, но Энджел кралась на третий этаж. Как воровка, с оглядкой и остановками.

Как заставить себя взглянуть в черные глаза? Найти сил хотя бы на пару слов, после того, что между ними было. Нервный смешок сорвался с губ, пришлось опять впиться в них зубами, давя зачатки истерики.

Скоро случится куда больше, а она переживает из за отшлёпанной задницы. Коридор третьего этажа был пустынным и тихим. Казалось, во всем особняке сейчас нет никого, а между лопатками не просто жгло – полыхало!

От боли наворачивались слезы, и Энджел едва ли не бегом кинулась к двери, торопливо дергая ручку. Открыто...

Ледяное жжение пропало, стоило перешагнуть порог.

– Слишком долго.

Герцог стоял у камина. Языки пламени мерцали бледным светом, оттеняя сотканную из мрака фигуру мужчины. Рассыпались по комнате ломкими тенями и кровавой россыпью плясали на гранях двух бокалов, полных вина.

Энджел тяжело сглотнула.

– Простите, господин.

– Раздевайся.

Что?! Нет, она ослышалась! Еще целых два дня... Ведь речь шла о неделе!

– Господин...

– Запомни это слово. Для тебя я всегда и только господин. Это раз. Переступая порог этой комнаты – сразу раздеваешься, если я не приказываю иного. Это два. За каждую ошибку или неповиновение – наказание. Это три.

– У меня еще два дня! – выкрикнула, отступая к двери. В спину уперлось что-то плотное. Точно не дверь... Обернувшись, Энджел вскрикнула и бросилась на середину комнаты. Огромный сгусток тьмы клубился темной занавесью, скрывая за собой выход. Она видела такой же! В тот самый вечер, вернее – ночь.

На плечи легли горячие ладони, и по коже сыпанули мурашки.

– Ты действительно веришь, что сможешь найти работу? – хриплый голос наполнился сталью. – Хватит игр, девочка.

В голове звенела пустота. Ей нужно было что-то делать, но Энджел никак не могла сообразить – что.

– Я не хочу... Пожалуйста!

Но ответом стал короткий смешок. А потом платье просто свалилось с плеч, оседая серым облаком в ногах.

– Не смей.

Предупреждение обожгло руки хлыстом, и Энджел застыла, так и не прикрыв грудь.

Это сон! Это... это не с ней! Герцог не должен поступать

так! Он ведь спас ее... Такой благородный, сильный!

Мужчина обошел кругом и остановился перед ней. Взгляд уперся в серебряные пуговицы на темном камзоле. Одна из них сейчас лежала в кармане плаща...

Ледяной набалдашник трости подтолкнул вверх подбородок, и в сердце просочилась топкая тьма черных глаз, лишая остатков воли.

– Пей.

Когда он успел взять бокал?! Энджел плотнее стиснула губы, косясь на сверкающий хрусталь. Что бы сейчас ни произошло, она не станет пить! Не прикоснется к алкоголю!

– Пей, – жёстко повторил герцог.

Нет! Пусть ее избыют хоть до смерти!

– Я могу сделать так больно, что ты забудешь свое имя, – обронил герцог, и губы распахнулись сами собой.

Да, она боялась боли. А в бокале оказалось не вино. Энджел торопливо глотала солоноватую жидкость.

– Что это? – выдохнула, когда хрусталь прекратил давить на губы.

– Настойка. Чтобы не было детей. Простолюдинка не сможет выносить мое дитя. Но забеременеть все-таки есть возможность. Одного приема в месяц достаточно.

Наверное, именно в этот момент она поняла, что бежать некуда. И никто не поможет, потому что сильнее некроманта разве что сам Создатель, а он точно не услышит безыскусные мольбы своей глупой дочери.

Черные глаза пылали. Бокал отлетел в сторону, и вместе с хрусталем рассыпалась осколками мужская сдержанность.

Треск – и с ее тела пропала последняя одежда. Рывок – волосы рассыпались по плечам и спине. Резкий поворот, и ледяной холод между лопаток заставил идти к соседней двери, распахнутой жадной пастью.

Ужас вымораживал кровь, делая каждый шаг деревянным и неловким. И только на руке будто горело кольцо. Не давало соскользнуть в спасительную тьму обморока, заставляя осознать каждое движение.

И, конечно, в соседней комнате ждала кровать. Пугающе огромная, темная, как алтарь для злобного божества. А на стенах какие то крюки... О, Создатель! Что за комната пыток?!

– Стоять.

И она послушно замерла. Перед глазами качалось и плыло, а по коже гулял озноб, хотя было достаточно тепло.

На глаза упала плотная повязка, погружая мир во тьму. Судорожный вздох прорвался сквозь стиснутые намертво зубы.

Она стояла в полной темноте. Дрожащая, беспомощная, лишенная всякой защиты... с обнаженной и распластанной на радость Демону душой.

Все чувства обрели невероятную остроту, и Энджел могла слышать и тяжёлое дыхание мужчины, ощущать пронзительный, пробиравший до костей взгляд. Это было так уни-

зительно! Он мог видеть всю ее! Как в тот раз... В груди что-то дрогнуло, отдавая мягким толчком вниз живота.

– Ох, – не смогла удержаться, когда спина почувствовала плотную материю камзола и каждую из серебряных пуговиц.

– Не терплю лишних волос, – хриплый голос обжёг слух, пламенем просачиваясь в кровь, – уберешь тут... – широкая ладонь легла между ног, легко преодолевая сопротивление бедер.

Энджел встряхнуло. Не сдержавшись, впиалась пальцами в мужскую руку и тут же взвизгнула, получив звонкий шлепок.

– Не смей.

И сильный толчок между лопаток опрокинул ее на постель. Заюлив, она попыталась выбраться и стащить с себя проклятую повязку, но мужчина играючи переломил сопротивление, скрутив ее в два счета. Запястья оказались в плену веревки, ноги раздвинуты, выставляя все напоказ.

И ненавистного тепла внутри стало больше! Хлынуло по венам, заставляя замереть, прислушиваясь к себе с недоверием и ужасом. Между ног тут же вклинились длинные пальцы. Прошлись уверенно и сильно, вызывая крупную дрожь.

– Чувственная девочка, – пробормотал ее мучитель. – Поиграем потом.

Поиграем?! Что значит – поиграем?! Но слова смялись в короткий стон, когда мужчина рывком дёрнул ее бедра, заставляя встать на колени. Горячие ладони огладили спину и поднырнули вниз, накрывая грудь.

От первого щипка она вскрикнула, выгибаясь в руках Демона. Так нельзя! Не правильно! Но жадная ласка уже вскружила голову. Хотелось стонать. Стыд мешался с ядовитой сладостью, толчками плескавшуюся внизу живота.

Хриплое дыхание мужчины рывками вспарывало воздух, делая его густым и тяжёлым, как черная патока. И этот запах... Аромат дорогой кожи и ледяного морского ветра, сметавшего все на своем пути. Он проникал в кровь обжигающим виски и менял горечь на хмельное тепло, наполнявшее тело гибкой лёгкостью.

Несдержанные ласки теряли последние крохи осторожности. Ещё один шлепок – и позвоночник выгнуло, а колени разъехались в стороны.

Ответный мужской рык и ругательство подхлестнули наступавшее безумие. И когда между ног опять вклинились его пальцы, Энджел вскрикнула уже не от страха. Четкие и рваные движения высекали внизу живота искры и пламя, бегущие по венам черными всполохами. То, что она испытала однажды, было уже близко. Приближалось гигантскими скачками и рывками, в такт яростной ласке. Настигали жертву, готовясь запустить в нее острые когти и разорвать на сотню дрожащих от наслаждения частей. Оно было мучительно рядом, уже вот-вот...

– А-а-а! – громкий крик обжёг горло, но в следующее мгновение Энджел давилась стоном боли.

Резкий толчок пронзил низ живота короткой агонией, и

из глаз брызнули слезы, тут же впитываясь в повязку. Боль мешалась с наслаждением, а мужчина все давил, насаживая ее на себя.

Крепкая плоть заполняла все без остатка. Нет, это просто невозможно выдержать, она не сможет! Но очередной жалобный стон умер на губах, когда между ног опять стало свободно. Только облегчение длилось считанные мгновения. Крепко ухватив ее за бедра, герцог опять толкнулся вперед.

– Господин... – захныкала, переживая новую вспышку. Но в ответ услышала сдавленный стон.

Движения становились резче и глубже. Грудь терялась о шёлковое покрывало, а ягодицы о ткань мужских штанов, бедра немели в капкане стальных пальцев, и перед глазами сверкали рубиновые искры. Боль сплеталась с отголосками наслаждения в обжигающе острые жгуты. Взрывалась колючими вспышками, наполняя каждую частичку тела, и в какой-то момент Энджел ощутила, что двигается навстречу. Потому что внизу живота опять дрожало, а мужские пальцы, ещё недавно сминавшие плоть до синяков, опять ласкают между ног, умело разжигая возбуждение.

Но так же резко мужчина вдруг отнял руку. Внутри стало совсем тесно, и следующим движением Демон вошёл до упора и замер, наполняя лоно потоком семени.

– Проклятье...

Дэвид сдавленно выругался, потираясь о плотно прижатые к нему бедра. В кои-то веки язык жгло помянуть Созда-

теля, потому что другого просто не приходило на ум.

Чертов... ангелочек! Неопытная девица, сломавшая все планы своими тонкими пальчиками.

Что только он себе не представлял, каких игр не придумывал, но все пошло прахом, стоило последнему клочку ткани упасть к стройным ногам. Аккуратная грудь с розовыми пятнышками сосков и нежные бедра швырнули сознание в плен сумасшедшей похоти. А когда Ангел упала на четыре точки опоры... Чуть не кончил, разглядывая пухленькие складки, скрывавшие девственный вход. Прекрасна! Просто изумительна! Еле сдержался, чтобы подготовить девчонку хоть немного.

Пять чертовски долгих дней завели его до предела. Магия бесилась в груди, и впервые, за очень долгое время Дэвид подобно отцу присутствовал на казни, чтобы лично вырвать грешную душу, и предать ее вечным мучениям.

Но эта малышка... О, не зря он бросил под ноги нищенки серебряную пуговицу. Девчонка оказалась настоящим сокровищем, скрытым под слоем вонючей грязи. И он бы взял ее ещё раз, но все-таки оказался слишком тороплив.

Крови вытекло порядком, да и для первого раза ей достаточно. Может, он и «бездушный ублюдок», по мнению Зизи, но четко понимал, что девушке надо прийти в себя. Иначе второй раз окажется сплошным насилием.

Освободив Ангела, Дэвид быстро заправился. Ни одна любовница не видела его без рубахи и штанов – не пото-

му что он стыдился тела. Татуировки – не зрелище для посторонних глаз. Девушка со стоном упала на покрывало и скрутилась в комочек, пряча лицо в ладонях.

Белокурые волосы разметались по темному шёлку, хрупкое тело дрожало... Дэвид нахмурился. Девчонка не закатывала истерик, значит, в порядке. По крайней мере, о ее удовольствии он позаботился, так же как позаботится о здоровье.

– Я пришлю доктора. Он тебя осмотрит.

Но горничная затрясла головой.

– Не... не надо...

– Это не обсуждается.

Энджел молчала, и Дэвид с чистой совестью покинул комнату. По татуировкам струилось тепло. Настолько хорошо он не ощущал себя даже после качественной разрядки. Утром нужно будет вызвать к себе экономку. Пусть удвоит горничной жалование.

Глава 9

Как только мужчина ушел, Энджел сползла с проклятой кровати. В груди было пусто, как будто Демон вырвал ее душу, оставляя лишь глухую тишину. Тело ныло и между ног тоже болело, отзываясь резыю на каждый шаг.

Она не питала грез на счёт невинности, но всегда думала, что первый раз будет совсем другим. Пусть не с мужем, а просто любимым. Так, как уже мамы, которая никогда не жалела о коротком счастье. Но теперь все кончено...

Платье валялось темной изорванной тряпкой. Надо бы одеться. И убраться отсюда прежде, чем придет доктор. Довольно, что ее позор видел де Сармунд. И будет наблюдать ещё не раз.

В сердце вяло трепыхнулся стыд, но оно было слишком измучено, чтобы болеть. Энджел чувствовала себя пустым големом. Нет ни боли, ни мыслей. Только пальцы дрожат, и шнуровка никак не желает затягиваться... А ещё в горле ком. Пухнет с каждым мгновением, наполняя рот едкой горечью.

– Добрый вечер, мисс.

Мягкий голос вызвал разве что легкий вздох – не успела...

– Добрый вечер, мистер Смит.

Внимательный взгляд доктора стал еще острее и, почему-то беспокойнее.

– Позвольте осмотреть вас.

Он ведь все равно не отпустит... Не выполнить приказ темного мага – подписать себе смертный приговор.

– Мне надо помыться.

Липкие пятна на бедрах неприятно стягивали кожу, но пользоваться ванной в этом кабинете она совсем не хотела, пусть дверь и была услужливо приоткрыта, а на маленькой тумбе стопкой лежали пушистые полотенца. Но теперь, видно, придется.

– Не беспокойтесь, мисс. Прилягте.

Без возражений Энджел пошла к софе. Там, где однажды сидел де Сармунд, а она валялась у него на коленях с задранной юбкой.

Осмотр прошел быстро, как и в прошлый раз.

– Все хорошо, мисс, – подвел итог доктор. – Уделите мне еще минуту.

Энджел равнодушно кивнула. Хотя больше всего ей хотелось вымыться, а потом уснуть. И проснуться, осознавая, что безумная ночь – лишь сон. И она совсем не получила удовольствия. Ни малейшего.

Мистер Смит вернулся, держа в руках наполненный водой бокал.

– Тут снотворное и успокоительное. Прошу, мисс Нилл, вам действительно это нужно.

Голос доктора был участливым, а взгляд полон тепла. Ком в горле отрастил шипы, и Энджел торопливо перехватила

бокал, залпом выпивая содержимое.

По мышцам сразу же разбежалась приятная слабость.

– Оставайтесь на ночь тут, – посоветовал доктор, но она в ужасе помотала головой. Ни за что!

– Вы будете тут одни, – продолжал настаивать доктор.

Думает, что она боится герцога? Напрасно! То есть боялась, но того, что мужчина заставлял испытывать. Тугой клубок эмоций, выжигавший все, что казалось ей когда-то правильным.

– Я провожу вас в комнату, – уступил доктор. – Не спорьте.

Куда уж ей... К счастью, им опять никто не встретился.

– Спасибо, – тихо поблагодарила доброго человека. Мистер Смит кивнул.

– Если вам нужно будет успокоительное или какие-нибудь другие лекарства – всегда рад помочь. Мой кабинет в другом крыле.

Да, она уже знала. Успела за это время изучить особняк и всю территорию, вплоть до оранжереи, куда ее не пустил полноватый и хмурый садовник.

Доктор ушел. А Энджел тихонько прокралась в комнату. Кухарки Лотти ещё не было. В свой выходной женщина отправлялась к внукам. Тем лучше!

Схватив с крючка плащ, Энджел стала торопливо ощупывать карманы. Ей не нужна больше эта глупая пуговица! Пусть ее забирает мисс Пэри, и делает с ней что хочет! До-

лой лживое воспоминание о благородстве того, кто оказался не лучше прочих. И доказательство собственной продажности, потому что нужно думать о случившемся как о насилии, но полученное удовольствие кричит о другом. Ей понравилось... Понравилось как... как шлюхе!

Пальцы мяти плотную ткань, но не находили искомого. Энджел проверила каждый карман и в одном обнаружила небольшую дырку. А пуговица пропала... Да ну и к черту ее! Не велико горе!

Бросив плащ, девушка поплелась к шкафу. Ей нужно полотенце. И вода...

Утро началось неожиданно бодро. Энджел не знала, что ей дал доктор Смит, но твердо решила при случае ещё раз сказать спасибо мужчине. Лотти как обычно, уже собралась. Энджел тихо благодарила создателя за немногословность соседки. Буркнув обычное «Доброе утро, мисс Нилл» женщина ушла, предоставив ей время собраться с духом и мыслями.

О вчерашнем Энджел трусливо предпочитала не думать. И, наверное, ещё не приняла случившегося, поскольку биться в истерике тоже не хотелось. Настроение было скорее подавленным. И как никогда хотелось, чтобы рядом была мама. Уложить бы ей голову на колени и рассказать все, что давит на сердце. Она так умела слушать!

Сморгнув не кстати появившиеся слезы, Энджел стала

одеваться. Ночное белье оказалось чистым от крови, а синяки на бедрах проверять не хотелось. Черные пятна, оставшиеся от мужских пальцев, не сойдут и за неделю...

Из комнаты выбиралась, как мышка из норки. Только бы о вчерашнем никто не узнал! Она не выдержит позорного клейма «господской девки»!

Каждый шаг к столовой был так же труден, как и к кабинету герцога. Синяки на бедрах заныли, а между лопаток протянуло холодном, словно метка опять звала ее. Энджел в страхе прислушалась, но нет. Утром де Сармунд обычно или запирался в своих комнатах, или уезжал по делам. Из ворот вылетал черный экипаж, запряженный двумя длинноногими воронами, и порой герцог отсутствовал до вечера. Из скурых рассказов слуг Энджел узнала, что он присутствует в центральном госпитале, помогая облегчить кончину иных страдальцев, но чаще посещает королевскую библиотеку ради древних текстов и поисков ключа к их разгадке.

Хоть бы и сегодня так... А лучше на несколько дней! В голове шипело жуткое «Поиграем», и Энджел бросало в дрожь от одного только воспоминания о тех отвратительных крюках и хозяйской трости. Порядочности у герцога не оказалось, а уж жалости и подавно не будет...

Столовая встретила ее мерным говором. Энджел на мгновение затаила дыхание, но никто не спешил тыкать в нее пальцем. Мисс Пэри переговаривалась с дворецким. Мальчишки посыльные опять пытались стянуть больше сахара,

чем нужно. Сестер Оттис ещё не было, ну а доктор занимался гренками, подарив ей один лишь рассеянный взгляд. Теплая благодарность всколыхнулась в груди, но испарилась быстрее росы на солнце от ехидного:

– О, Эмма. Что-то ты припозднилась. Тяжёлая ночь?

Энджел похолодела. В глазах Клэр сверкало понимание и ненависть. Догадалась? Видела ее? Или просто решила оскорбить?

– Если тебе сложно запомнить мое имя, Клэр, обратись к доктору Смигу. Ночь прошла спокойно, благодарю. Доброе утро, – поздоровалась с остальными.

Голос не дрогнул, но внутри скручивало от страха и бессилия. Все дни Энджел старательно избегала Клэр, а на ее ядовитые выпады просто не реагировала. К счастью общей работы им пока не давали, и неприятности случались лишь трижды.

– Клэр, я начинаю подумывать, что господин де Сармунд зря оставил тебя в горничных, – вступилась в их краткую перепалку мисс Пэри. – Это трудно, но найди в своем сердце хоть крошку достоинства.

Лицо девушки пошло красными пятнами. А Энджел, пользуясь тем, что окружающие переключили внимание на Клэр, шмыгнула на свое место.

А в груди опять колело занозой. Поведение горничной очень походило на ревность. Неужели... Неужели и ее приглашали в кабинет?

Внезапная тошнота подкатила к горлу. Ну конечно... на той кровати много, должно быть, побывало.

Каша просилась обратно, но Энджел мужественно орудовала ложкой. Нельзя показать, что ей дурно. Надо держать лицо.

К концу завтрака как обычно стали раздавать работу. Энджел мечтала, чтобы ее имя оказалось а первым – только бы скорее сбежать, но у мисс Пэри были другие планы.

Только когда никого не осталось, женщина обратила внимание на нее.

– Почистить сегодня дверные ручки.

– И все?! – не поверила своим ушам Энджел.

Но ведь это и не работа совсем! Несколько часов, не более.

– Все.

Экономка направилась к дверям.

– Мисс Пэри! – чуть не опрокинув стул, Энджел бросилась следом. – Мисс Пэри, прошу, дайте мне нормальную работу!

Женщина круто развернулась

– Я себе не враг, деточка.

А вот теперь действительно пришлось искать твердую опору, чтобы не рухнуть. Знает! Знает все, и даже не пытается это скрыть. О, Создатель... Какой стыд!

– Сегодня утром герцог велел повесить тебе жалование в два раза...

Каша все-таки полезла обратно. Энджел прикусила губы,

и во рту опять появился металлический привкус. Да если бы ее заставили пройтись по центральной площади голой, это не было бы так унижительно! В попытках сдержать тошноту, перед глазами заплясали черные искры. Жалование повысил! В два раза... И теперь она точно шлюха. Обычная продажная девка...

– Энджел. Выпей.

Как в тумане она ухватилась за бокал воды. Кое-как осадив тошноту, разомкнула дрожащие губы.

– Мисс... Пэри. Заберите. Заберите деньги, пожалуйста.

Щекам было мокро и жарко. Волосы липли ко лбу, и платье вдруг стало невозможно тяжёлым.

Экономка поджала губы.

– Давай-ка пройдемся, деточка...

Собрав последние силы, Энджел последовала за женщиной. Ушли недалеко. Прямо в кладовую, где хозяйничала экономка.

Дверь мягко закрылась.

– Присядь.

Энджел рухнула на ближайший стул.

– У тебя не было шансов, – мисс Пэри устроилась перед ней, – герцог тебя не мог не заметить.

– Не мог? – повторила эхом.

Мисс Пэри хмыкнула.

– Ты видела себя в зеркале, деточка? Свежая, как бутон розы, и взгляд пугливой лани. Подумай головой хорошенько

– герцог де Сармунд! В его власти позволить себе дворец не хуже королевского, с вышколенной прислугой, которая дышит одинаково и умеет мысли читать. И вдруг – бродяжку приютил! Наш хозяин не любит посторонних, не просто не любит – не может выносить. Но как любой молодой мужчина имеет некоторые вкусы, касательно женщин. Так вот – ты в его вкусе.

– И Клэр? – вырвалось тихим шёпотом.

Женщина кивнула.

– И она тоже. Но внешность – всего лишь ширма. Клэр пришла сюда по рекомендациям. Долго порог обхаживала. Господин все же пустил. И да, в свою постель тоже, только если ты больными глазами смотришь, и от смущения едва живая, то с Клэр сияла новым золотым. Но не долго.

– Почему?

– Потому что больше чем посторонних в своем доме наш господин не любит притворства. Характер у нее другой. Сколько шкуру кроткой овечки не натягивая, а серая шерсть все равно вылезет. Но и ты раненую голубку из себя не строй. Я служу де Сармундам третий десяток. Места теплее не встречала, а скиталась немало. Дают деньги – бери, пригодится.

Щеки вспыхнули, как будто экономка отвесила ей пощечин.

– Я не прикоснусь к ним, – голос опять задрожал. – Мисс Пэри, сжальтесь! Клэр не задержалась и я не задержусь! Не

лишайте меня работы. Дайте стать хорошей горничной... О! И скажите, где можно купить книг. Я уйду отсюда, как только выучусь некоторым вещам. Я правда искала место. Но меня не взяли такую... неопытную.

Женщина смотрела на нее очень внимательно. Энджел стискивала пальцы, но не опускала взгляда, умоляя Создателя, чтобы тот помог смягчить сердце экономки. Пользоваться хозяйской благосклонностью не хотелось вовсе! Лучше бы ее каждый день отправляли в прачечную...

– Свое место ты знаешь. Это хорошо... – задумчиво проговорила мисс Пэри. – Что ж, ладно. Книги – дело нужное. И работать тоже будешь, но, – подняла палец, – до той поры, пока герцог не запретит.

– Запретит? Зачем?

О, нет! Она совсем не хочет становиться содержанкой.

– Кто знает. Герцог де Сармунд не отчитывается передо мной. А пока ступай. И поверь женщине с опытом – потом будешь вспоминать случившееся как самое приятное развлечение.

Развлечение?! Но Энджел промолчала – от мисс Пэри зависело слишком много.

– После того, как справишься с ручками – вычисти ковер на первом этаже в белой гостиной. Да хорошенько. Давно пора им заняться. А к вечеру заглянешь ко мне. Найду для тебя несколько книг, на первое время...

– И жалованье, – тихонько напомнила Энджел.

– Тут действуй сама. Я медного гроша не трону. За воровство герцог может отнять пальцы. В прямом смысле.

Ладно... Сиротскому дому, в прежнем квартале, где жила их семья, наверняка понадобятся деньги. Или лучше еда! И детские вещи...

На душе самую малость полегчало. Ободренная поставленной целью, Энджел поспешила выполнять поручение. Но на лестнице ее уже ждали.

– А вот и наша дорогая Эмма, – прошипела фурия, перегораживая ей проход. – Ну и как она – господская ласка тростью? Понравилась?!

Энджел крепче сжала перила, не давая себе сделать шаг назад. Клэр трясло от ярости.

Глава 10

«Он уже привязывал тебя – такие крюки на стенах, видела их? Или бил?! Господин любит трости... О, и еще когда ты стонешь от боли. А потом кончаешь – но последнее не обязательно! Глупенькая, глупенькая Эмма. Он сломает тебя. Вырвет сердце и разобьет на кровавые осколки, а потом заставит сожрать. И ты будешь это делать. Все-все, только чтобы Он снова подошел к тебе. Удостоил хоть одного взгляда. Прекрасные глаза... Такие черные, м-м-м... А в момент наслаждения в них клубиться Тьма. Она убьет тебя, Энд-жел... Убьет!»

Энджел крепче перехватила щётку и с утроенным пылом принялась за дело.

Но настырный голос никак не желал утихать. Уже который день изводил, нашептывая гадости, и заткнуть его не получалось. Будто мало Создатель дал ей испытаний. Ещё и сумасшедшую Клэр в придачу.

Тогда девушку спугнул Вильям, как ни странно. Скатился по лестнице, и без страха подошел к наседавшей на нее сумасшедшей.

Хватило одного прикосновения к плечу, чтобы перекошенное лицо вновь приобрело человеческие черты. Энджел видела безумцев, но никогда, чтобы они так быстро становились нормальными.

«Мы просто беседовали, мой дорогой Вильям»

Сладкая улыбка Клэр была полна безмятежности. Будто они действительно случайно встретились на лестнице и обменялись приветствиями.

«В твоих интересах обратиться отсюда как можно скорее» – бросил парень сквозь зубы.

А Энджел, обливаясь холодным потом, могла выдавить лишь искреннее «Спасибо». Потому что до чертиков испугалась внезапной перемены Клэр. В девушку будто вселилась Тьма. Яростная и жестокая.

Ничего не ответив, Вильям прошел мимо, и Клэр удалилась вслед за ним.

А ее потряхивало уже который день, и даже книги, что дала ей мисс Пэри, не могли отвлечь. А учиться надо было!

Энджел смахнула пот и с тихим стоном разогнула спину. Да, ещё как надо! Пока герцог оставил ее в покое. Она не видела и не слышала мужчины третий день и каждый миг старалась использовать с толком, не брезгуя самой черной работой – так легче не думать. Не вспоминать что между лопаток унижительная метка, вынуждающая по первому щелчку ползти к герцогу и раздвигать ноги.

Мисс Пэри сдержала свое слово, и щедрой рукой нарезала ей ломти от общего каравая работы, приправленного солью наставлений. Энджел училась правильно ухаживать за дорогими вещами, работать вместе с остальными, готовить некоторые блюда, а вечером садилась за книги.

И что за радость это была! Среди прочего ей достался словарик франклийского, и Энджел сумела выучить целых три фразы! Язык завязывался в узел, но произносить их получалось почти без запинки.

Правда, сил оставалось совсем немного. Вот и сегодня придется запастись холодной водой, чтобы продержаться хотя бы полночи. Тепло в комнате сыграло с ней злую шутку: глаза слипались, а храп кухарки Лотти мерещился нежной колыбельной...

Энджел опять склонилась над ковром. Довольная ее работой, мисс Пэри каждый день требовала дань в угоду чистоты. Сегодня пришла очередь библиотеки. Но больше Энджел не позволяла себе не то что взять – глянуть на книги. У нее есть свои. Ну и ладно, что без картинок...

Знакомое до нервной дрожи ощущение пробежалась по спине холодными лапками. Прыгнуло на плечи и вздернуло ее вверх. Вскочив на ноги, Энджел резко обернулась и чуть не опрокинула ведро с мыльной водой.

Беспомощно моргнула, надеясь, что видение сгинет. Просто от долгой уборки ей в голову бросилась кровь, ведь невозможно на том же месте... снова...

– На коленях ты смотрелась лучше.

Жёсткая ухмылка и злой прищур черных глаз не сулили ничего хорошего.

Сначала он разберется с девчонкой. А потом отчитает эконо-

номку, у которой вдруг отказали мозги.

Дэвид стиснул зубы, разглядывая застывшую девушку. Несколько чертовых дней он хоронил себя под бумагами, между делом принимая королевское «фи» и мечтая вытащить монаршую задницу из дворца и пинками отправить в трущобы. Но при всем этом рассчитывал на порядок в своем доме. Куда там! Его развлечение надраивает ковры, портя руки и спину. Кого он получит вечером? Пропахшую потом и усталостью девку? Для этого он давал ей целых три дня, чтобы очухаться?!

– Сюда.

Горничная вздрогнула. Лазурь глаз старательно пряталась за ресницами, а робкий шаг был слишком крохотным.

– Сюда, – повторил с нажимом.

Напряженная, как тонкая струна, девушка приблизилась почти вплотную, и Дэвид коротко выругался, рывком запуская пальцы в белокурый шелк. Проклятье! А он чертовски поторопился на счет вони – никакого свербящего кислым супом душка. Даже вспотевшая, она пахла чистотой. Приятным женским запахом. И от желания слизать аромат с тонкой шеи рот затопило слюной. Мать твою, где зачали это ангельское создание? В священном молоке?!

Темные брови жалобно дрогнули, когда он стиснул пальцы. Похоть бесилась в венах, требуя утоления сию же секунду. Немедленно! Ему нужно прочистить мозги, а горничной доступно объяснить, каковы отныне ее основные обязанно-

сти.

– Еще раз увижу с ведрами – будешь носить их по особняку голая.

Девушка побледнела.

– Ваше право, только не отнимайте работу!

Сама рвется марать руки?! Дэвид внимательно смотрел на полное решительности личико. Девчонка упрячилась! Поджимала губы и так смешно пыталась выглядеть храброй. Ну надо же! Ангелочек выставлял коготки.

– ... Прошу, господин. Мне нужно научиться делать все правильно. Ведь, – девушка прикусила губу и все же опустила глаза, – Вы не держите слуг, и однажды... Однажды я подыщу новую работу.

На мгновение Дэвид онемел. Мысли смялись в бесформенный ком, а по татуировкам прострелило злым холодом. Уже думает сбежать?! И швыряет эту правду в лицо, с самым невинным видом! Услышать такое от девицы напрямую было... дико. Непривычно до чёртиков.

Тени вокруг них дрогнули. Потянулись к хозяину изломами и росчерками, не страшась дневного света. Девчонка испуганно ахнула, вздрогнула в его руках беленькой пташкой, но вместо того, чтобы рвануть прочь, вдруг почти прижалась, будто именно он ее защита.

Освободив роскошные волосы от плена чепца и собственных пальцев, ухватил за подбородок, заставляя взглянуть прямо.

– Хочешь работать?

– Да...

– Попроси.

Нежный ротик приоткрылся.

– Как?

– Губами, – жестко усмехнулся, оглаживая розовое искушение. – И на коленях.

Только секунду она непонимающе хлопала ресницами, а потом вдруг вся вспыхнула, испуганно взглянув за его спину. О да, дверь не была защищена Тьмой. И в любой момент сюда могли зайти.

– Но, господин... День... сейчас. И я не знаю...

– Молчи, – надавил большим пальцем на лепетавшие губы, заставляя заткнуться. – А теперь оближи.

Ангел торопливо открыла рот, позволяя проникнуть внутрь. Язычок неловко коснулся подушечки большого пальца, и от безыскусной ласки прошиб пот. Проклятье! Он хочет видеть губы вокруг своего члена. Сейчас! Каждый день!

– Пососи, – голос сорвался на хрип. – Да, – почти прошипел от болезненного наслаждения, – а теперь на коленях!

Перехватив узкое плечо, дернул вниз, и девчонка рухнула к его ногам. Стесняется пользоваться привилегиями? Отлично!

– Давай, если не хочешь официально стать содержанкой.

Ангел вздрогнула. Потянулась к пуговицам на штанах и

тут же отдернула руку, заметив проступавший бугор. Черт! Да он сейчас кончит, а девчонка все мнется!

И под аханье служанки Дэвид расправился с тканью.

Энджел трусливо зажмурилась, когда из штанов выскользнуло мужское достоинство. И это было в ней?! Но его... его так много! Крупная и напряженная плоть топорщилась перед самым лицом, и в дневном свете выглядела ужасно стыдно... и страшно... и... интересно.

В пожаре смущения и страха сверкали искры любопытства. Хотелось взглянуть снова. Всего разочек. Как следует рассмотреть темный узор вен и вспомнить ощущение горячего бархата кожи...

Волосы попали в стальной капкан пальцев.

– Давай, Ангел. Сейчас!

В губы ткнулось твердое, и Энджел сдалась, одаривая мужчину унижительной лаской. Во рту стало тесно и немного солоно.

– Спрячь зубки, – донеслось сверху, и резкий толчок лишил доступа воздуха. Из глаз брызнули слезы. А на затылок давила ладонь, заставляя принимать мужскую плоть глубже.

– Давай, – голос де Сармунда стал жестким и рваным.– Как с пальцами. Соси.

Это невозможно! Она не сумеет!

Воздуха не хватало, и голова пошла кругом, но, подчиняясь сильным движениям, Энджел пыталась ласкать. Чем быстрее получится, тем лучше. Ведь сюда могут зайти. Уви-

деть ее... на коленях. Перед герцогом. Ласкающую его при свете дня! Как она, должно быть, выглядит...

Стало невыносимо жарко. И грудь почему-то заныла...

– Руки за спину!

Хлесткий приказ заставил оторвать ладони от крепких бедер, складывая их как будто связанные.

– Смотри вверх.

И сквозь туман перед глазами она подняла взгляд, чтобы тут же сгореть в черном пламени. Теснота рванулась в горло, заполняя его горячей жёсткостью, а в следующий миг в рот брызнула солоноватая жидкость.

– Глотай!

Вздрагивая и пытаясь откашляться, она торопливо сглотнула семя. В глазах Демона полыхнул восторг и жадность.

Так же резко отстранившись, он подхватил ее с пола, ставя на ноги. И даже если бы Энджел хотела, все равно сейчас не могла бы говорить – горло саднило ужасно. А ещё внутри так пусто. Совсем непонятно, словно она хотела бы продолжения... прямо тут, на вычищенном ковре. Энджел даже головой мотнула. Ни за что!

Подбородок очутился в плену железных пальцев. Опять!

– Хочешь работы? Она будет. Уборка в моем кабинете. Каждую ночь.

И, оставив ее дрожащую и оглушенную, герцог покинул библиотеку.

Глава 11

– Дэвид, дорогой. Ты сегодня поздно.

Король Викториан Благочестивый удобно расположился в широком кресле и выглядел совершенно не по-королевски. Шитый золотом камзол небрежно скинут на пол, а ворот батистовой рубахи распахнут. По пути к покоям Его Величества Дэвиду встретились две хорошенькие придворные дамы, которых он видел в качестве лота на «торгах» в «Алой ночи». Наверняка чаровницы не так давно выражали королю свою любовь. Во всех позах.

Воспоминания о борделе потянули за собой мысль о Роззи. Но, как ни странно, пользоваться ее услугами пока не было желания. Образ холеной красавицы вдруг разом потускнел, и Дэвид легко выбросил ненужное из головы, не испытав ни капли сожаления.

– Был занят, – ответил коротко, присаживаясь напротив.

Взгляд короля серым крючком попытался вытащить больше, чем два слова, но Дэвид, в отличие от многих, не поддавался на подобные уловки. И трепета перед «прекраснейшим из королей» не испытывал. Ровно как и уважения к нему.

Викториан не был хуже своих предшественников, но и не лучше. Корона, скорее, тяготила молодого русоволосого красавца, предпочитавшего охоту и девиц королевским заботам. Впрочем, ради справедливости – и самодурством мужчина

не страдал: идиотских законов не спешил издавать и даже иногда приносил Ангалии пользу. Например, твердо вознамерился взять в жены Эрдину Помпар – принцессу Франтилии. И, честно говоря, Дэвид не знал, кому сочувствовать больше – поведение девушки не отличалось кротостью.

– Занят поиском убийцы, надеюсь? – ехидно осведомился государь.

– И этим тоже.

Густые королевские брови красноречиво сошлись на переносице. Его Величество изволили гневаться.

– Два месяца, Дэвид! И три десятка жертв! Это вызов короне!

– Желаете прогуляться по трущобам вместе со мной?

За подобную наглость иной лишился бы головы на месте – Викториан слыл прекрасным фехтовальщиком, но Дэвид не страшился его гнева. Не потому что они были друзья – едва ли в этом мире найдется тот, кто подходил под это определение. Разве что Зизи... Как обычно, захотелось поморщиться и улыбнуться одновременно. О да, эта бестия в юбке прочно запустила острые коготки в его сердце, и Дэвид совершенно не желал от них избавляться. А от де Сармунда не мог избавиться король, поскольку больше в Ангалии некромантов не было.

– Следите за языком, герцог, – глубокий баритон едва не сорвался на фальцет. Викториан даже сел ровно.

– Ваше величество, Вы прекрасно осведомлены о резерве

моих сил. Я могу почувствовать смерть, но лишь в четверти мили вокруг себя. А считать души... – Дэвид покачал головой, – говорят, дед моего прадеда умел.

– Некромант способен увеличить свои силы!

Но Дэвид ответил молчанием. Потому что оба знали, как происходит это увеличение. Боль – вот мерило новых возможностей. Боль души и тела, когда лезешь на стенку с диким воем, умоляя Тьму сжалиться и подарить забвение. Не все остались в своем уме... Да, что там – никто! В лучшем случае умирают, а в худшем – общество получает сумасшедшего и жадного до боли маньяка. Дьявола во плоти, у которого только одна цель – мучение. Кого угодно: женщин детей, миленьких котят – любое живое существо, попав в его руки, через некоторое время становится агонизирующим куском плоти, мечтавшим о смерти.

Таких убивают. И полвека назад отец короля лично проткнул мечом герцога Ревийского, сошедшего с ума после безвременной смерти дочери, проигравшей болезни. Мужчина попытался увеличить силы, чтобы суметь хотя бы проститься, и ради этого слишком глубоко погрузился во Тьму.

– Следователи пасуют, – устало произнес король. – Потрошитель не оставляет следов. Только трупы. Сегодня жертву нашли близ Центральной площади.

– Проклятье...

Обмен взглядами был полон солидарности – убийца становился наглее. И если первые жертвы – это опустившиеся

проститутки, то со временем вкусы Потрошителя изменились, и в его сети попадали не только ночные бабочки... Но все так же убийца забирал на память какой либо орган, и чаще всего – матку.

– Миранда Тайнот, мелкая аристократка и любительница нарушить запрет строгих родителей. – Король достал из ящика стола миниатюрный портрет девушки. Совсем молоденькой. – Сбежала к любовнику, но не дошла. Как обычно, лицо и тело изувечены. Жертву опознали лишь по родинке на шее – фамильная черта...

И никто ничего не видел... В тюрьмах Контора за два месяца стало куда теснее – все же в своем патрулировании он наткнулся на реальных убийц, но главная цель ускользала раз за разом. И это выводило из себя.

– ... Дальше откладывать невозможно, – тем временем сообщил король. – После этого случая даже аристократия начала роптать. Вводится комендантский час, и два раза в неделю будут облавы. Мы должны прижать эту сволочь!

От шкурного интереса короля откровенно подташнивало, но Дэвид своими бы руками удавил помешанного на крови ублюдка. Проститутка или аристократка – ни одна из женщин не достойна закончить жизнь замученной и выпотрошенной.

– Кстати о поимке... Твои невесты достали меня жалобами!

Пальцы сжали трость, и тени беспокойно шевельнулись,

отзываясь на вспыхнувшую ярость.

– Избавьтесь от них, Ваше Величество. Я не протестую.

– От жалоб или невест?

– От всех разом. Раздайте им по богатому аристократу, а меня оставьте в покое.

Король неожиданно прекратил хмуриться и – ну надо же! – расщедрился на сочувствие. Как же утомил этот балаган!

– Страсть герцога де Сармунда к затворничеству стала притчей во языцех. Дэвид, мне ли говорить тебе о наследниках? Тридцать четыре года – время вить семейное гнездышко.

Язык чесался от души выругаться. Да гори оно синим пламенем – это гнездышко, и три гусыни в нем. Его отец женился на приятной сердцу женщине и ни разу не пожалел об этом. Но король Викториан закусил удила. Пенял ему, что именно из-за сердечной склонности и упрямства некромантов целый один, а не больше. Мать долго не могла зачать – ее резерв был скуден. И только когда родители совсем отчаялись, получился он. Поэтому в этот раз король был куда строже. Да и одна из счастливиц – дальняя родственница Викториан по материнской линии. Какое неожиданное совпадение!

– У меня ещё есть несколько месяцев, – поднялся Дэвид. Черт, как никогда хочется обратно в особняк.

Закрывать кабинет на ключ и завесить Тьмой, но перед

этим.. Нежный образ, мелькавший перед глазами весь день, соткался из света, становясь почти реальным. Энджел...

Утренняя встреча засела в мозгах блестящим гарпуном. А ещё тихие слова, сказанные с наивной искренностью... Хочет работать! Чтобы потом упорхнуть прочь, выискивая убежища в другом доме! Это цепляло. Злило своей безыскусной простотой и неприкрытостью. Решила сбежать... исчезнуть, потому что ее ангельская милость желает честного труда! Маленькая глупышка. Нет ничего честнее купленной любви. А воздушные замки убеждений скоро превратятся в серый гранит практичности – у него найдется парочка способов этому помочь. И вот тогда пусть валит на все четыре стороны.

– Объявишь свое решение перед ежегодным балом дебютанток, – начал король, – мне не нужно...

– Ваше Величество!

В кабинет ворвался вихрь из смятых листов, чернильных клякс и седых волос.

– Лорд Гибзи, – почти простонал Викториан. – Ну что на этот раз?!

Дэвид поспешил ретироваться. Не отступил бы перед дюжиной отъявленных негодяев, но сухощавый старичок в потрёпанной бесконечными опытами камзоле переплюнул их всех. Глава гильдии Артефакторов всегда был с приветом, а после смерти жены совсем потерял способность к нормальной жизни и погрузился в бесконечные исследования. Ко-

роль ему не мешал – из-под руки лорда выходили удивительные вещи. Взять хотя бы голема, удивительно похожего на человека. Впрочем, такого же неповоротливого, как остальные создания. Дэвид мельком видел это неловкое чудо, ковыляющее за своим создателем. Определенно, старика надо бы отправить на заслуженный отдых, а руководство передать его племяннику – молодому и очень способному лорду Флетчеру.

– ...исследования показывают, что это весьма перспективное дело...

Голос старика вибрировал и трещал, как изношенные шестерёнки. А Дэвид не мог сдержать мстительной ухмылки – пусть и у короля поболит голова. Разговаривать с Гибзи бесполезно...

А ему надо бы навестить склеп, где хранится жертва. Может, хоть на этот раз найдутся улики.

Глава 12

«Какая у меня сестрёнка, – ненавистный голос шипит змеёй, и Энджел кажется, что от липких пальцев на коже остаются следы. – Хрен Гансу, а не девственная жёнушка... Давай снимем эти тряпки...» Кольцо давит на палец шипастым обручем, а по спине гуляет озноб. Нужно подчиниться. Просто сделать вид, что она согласна, а потом ударить. Оглушить, чтобы суметь сбежать – дверь не заперта. «Ладно. – зубы выстукивает чечётку. – Ладно...» Ледяная стена жжет спину. На ее чердаке всегда так холодно... Так одиноко... Пальцы сжимают ручку деревянной плоски. «Ладно». – губы шепчут одно, но в голове совсем другое... Надо ударить, нельзя медлить. Сейчас! Ну!

– А-а-а!

Стукнувшись об пол, Энджел тут же вскочила, готовая броситься прочь. И даже дернулась вперед, но храп кухарки Лотти отрезвил. Она не дома! В особняке де Сармунда! И между лопаток жжет ледяной болью!

– О, нет... – прошептала, надеясь, что это остатки сна. Но сознание прояснилось, и боль стала просто невыносимой.

Сердце заполошно стукнуло, но Энджел уже вытаскивала из шкафа платье, подчиняясь зову. Она так надеялась, что сегодня ее оставят в покое! Горло ещё болело, да и мисс Пэри была требовательна как никогда – вечером Энджел сва-

лилась без сил, не прикоснувшись к книгам. И усталость до сих пор ломила тело, но метка между лопаток заставляла бежать полутемными коридорами в лапы к учителю.

Энджел кусала губы, стараясь приободриться, но выходило плохо. К счастью, ей опять никто не встретился, а жжение пропало так же как и в прошлый раз – за порогом кабинета.

Герцог ждал ее, склонившись над рабочим столом. Жарко трещал камин, и тени плясали на стенах, делая просторную комнату таинственной и мрачной. Под стать своему хозяину.

– Опять слишком долго...

Энджел сглотнула, разглядывая склоненную голову. Пепельные волосы были слегка влажными и оттого более темными. Черный камзол небрежно распахнут, открывая белоснежную рубаху... Наверняка герцог вернулся из ночного патруля. Может... может он слишком устал, и ей действительно придется лишь убрать?

– Простите, господин...

– Помнишь про уборку? Приступай, – кивнул в угол, где ютились небольшие щетки для одежды и перьевые метелочки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.